

ВОЙНЫ
БУДУЩЕГО

Федор БЕРЕЗИН

ВОЙНА 2030

АТАКА СКАЛИСТЫХ ГОР

Федор Дмитриевич Березин
Атака Скалистых гор
Серия «Война 2030», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140175
Война 2030. Атака Скалистых гор: Яуза, Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-06694-2

Аннотация

Развал гегемона на периферии произошел. Пора браться за «сердце» – командные центры самой сильной армии мира. Может быть там «смерть Кашеева»? И нужно торопиться, ибо если подсеченный колосс встанет на ноги – несдобровать всем. Требуется всего-навсего сделать несколько «точечных уколов», дабы ввергнуть левиафана в окончательное оцепенение. Кто самый подходящий и проверенный кандидат для таких операций? Разумеется, прошедшие огонь и воду русские коммандос.

И снова на их плечах панцирные экзоскелеты, в руках плазменные винтовки, а под пальцами виртуальные планшеты. А впереди настоящий, ожидающий нападения враг. С ним придется сойтись вплотную, в старинной русской рукопашной.

Содержание

1. Круз	4
2. Паровозная топка времени. Голубые экраны	6
3. Примерка брони	8
4. Комбинаторы	10
5. Примерка брони	12
6. Паровозная топка времени. Голубые экраны	14
7. Примерка брони	17
8. Паровозная топка времени. Голубые экраны	21
9. Примерка брони	22
10. Паровозная топка времени. Голубые экраны	23
11. Примерка брони	24
12. Паровозная топка времени. Голубые экраны	25
13. Примерка брони	28
14. Мозговой протез	30
15. Примерка брони	33
16. Паровозная топка времени. Голубые экраны	35
17. Примерка брони	36
18. Мозговой протез	37
19. Закалка брони	39
20. Средний уровень. Воздух	42
21. Закалка брони	44
22. Паровозная топка времени. Сироты	47
23. Средний уровень. Воздух	49
24. Мозговой протез	51
25. Средний уровень. Воздух	53
26. Киборг	54
27. Мозговой протез	55
28. Киборг	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Федор Березин

Война 2030. Атака Скалистых гор

- Освободите тропинку, бабушки!
- А что такое, сынок?
- Здесь сейчас пойдут танки.
- Как же они здесь пройдут, тропинка-то узкая?
- Эти пройдут. У них одна... гусеница.

Из советского фильма.

1. Круиз

Никогда еще что-то хорошее не длилось слишком долго. Так уж устроена эта дурацкая, раскинутая на тысячу мегапарсеков вокруг чернильная пустота, спонтанно истыканная цветными, припухшими кляксами тепла. Конечно, точно сказать про те парсековые дальности трудно, и хотелось бы верить в лучшее – мол, только у нас под желтой звездой не все как надо, и нельзя, понимаешь, лишь по аналогии, и так сказать, по закону подобия... Но как-то не доходят оттуда никакие известия приятного вида, все больше всякие кошмарики: то подрывы сверхновых, то галактические тараны навывлет, да черно-дырчатые проколы там и тут в эвклидовых сумерках. Уж если бы веселились там напраполю, то уж по тому же, упомянутому закону подобия, рассылали б телеграммы самохвальные направо-налево, сквозь все искривления гравитационных линз и прочие казусы. Так бы и пиликали, напевали лазерными маяками, точками-тире о своей жизни распрекрасной, хлебосольной и не в меру длительной, о царствах своих подлунных и лунных. Однако нет же ничегошеньки! И потому, скорее всего, там, в астрономических далях, такие напасти водятся, что стыдно про них поведать даже ближним соседкам по галактике, а не то что дальним. И лучше тогда уж вообще ничегошеньки не ведать и по-прежнему в надежде-вере в чужое везучее житие на звездочки мерцающие поглядывать.

Особо превосходно глядеть на них совершенно не в телескоп: самые большие обычно в горах, а климат там ночами сопровождается выдыханием из ноздрей пара, так что многие из приятностей скоренько улетучиваются, и остается только воля в кулак и ожидание рассвета в качестве смены разводящих. Так что гораздо привольней делать это из мягких широт, да еще чтобы вокруг отсутствовали всяческие постройки и неровности планетарного рельефа. И значит, наилучшая вариация – палуба круизного лайнера. Момент, когда полуночная музыка уже смолкла, а пьяные похохатывания рассосались по каютным упаковкам. Тогда... Однако там обычно присутствуют всякие отвлекающие романтические зарисовки. Следовательно, лучше палуба не круизного, а обыкновенного, бегущего по своим делам корабля. Важно что вы не в команде – бездельничающий пассажир. Глаза ваши не устали за день и распахнуты в проколотую звездами темень. Нет, совсем до них не парсеки! Кажется, эту россыпь получится запросто просеять сквозь ладони. Но некогда...

Пальчики действительно заняты кое-чем более романтическим. Все ж таки очень смахивает на круиз. Тут под ладонью теплая талия Лизы. Да, она, конечно, по привычке все еще обожает красную звезду Марс, однако властвует здесь давно укатившаяся за горизонт Венера. И мягкие волосы на плече, разумеется маскируют отчаяние и трагичность никем не населенных мегапарсеков. Очень верится, что там миллиарды возведенных в степени счастливец тоже распахнули зрачки навстречу.

Словом, это может длиться и ночь, и еще ночь, и... Ведь вы вообще-то собирались тихонько и не торопясь доплыть в центральную Мексику, по тишине Тихого океана. Когда

еще будет случай, вот так запросто без забот о всяческом снаряжении и о точных сроках прибытия. И Лиза, и звезды, и все такое красивое. Однако...

Эта вселенная устроена с большими дефектами. Шестеренка, заведующая счастьем, явно со стершимися зубчиками: она проскальзывает, сдвигает шкалу времени в самый неподходящий момент. Тогда спокойное мерцание миллионов развешанных в мегапарсеках газовых шариков вдруг начинает колыхаться. Наверное, вы свидетель всегалактической катастрофы – сворачивания пространства в гравитационный коллапсар? И можно насладиться торжеством момента всекосмической гибели? Уймите воображение, все гораздо проще и приземленнее. Падает, то есть, идет на посадку, вращая шумными лопастями, транспортно-десантный вертолет «МН-53». Притягиваем Елизавету ближе и впиваемся свободной рукой в перила ограждения. Двадцать два метра вращающегося над головой винта – это совсем не подмигивание пульсара, но и не шуточки – ветровой поток может смахнуть вас за борт прямо отсюда, не спрашивая фамилии, и даже без поддельного, выданного без расписки паспорта.

Да, теперь вы дополнительно убедились, что эта вселенная устроена препаршиво. Однако непредельно. На этот раз тут совсем не империалистический десант, с которым вам даже нечем было бы сойтись врукопашную. Тогда уж действительно лучше за борт вместе с Лизой Королевой в обнимку и глубокое погружение в Центрально-американский желоб.

Кто-то до ужаса знакомый, но покуда не опознанный во мраке ночи, машет вам ручкой в просвет сдвинутой в сторону створки. Потом все-таки спрыгивает, пригибаясь бежит по палубе. И вот уже...

Господи, перед вами чудо реанимационной медицины 2030 года – Потап Елифанович Драченко собственной персоной.

– Ну, здравствуй, лейтенант Минаков! – говорит он, найдя акустический просвет в частотной палитре продолжающих распиливать воздух лопастей. – Давненько мы не виделись. Ваш кораблик совсем медлителен: вершащиеся в мире события начали его обгонять.

– Мы снова где-то потребовались? – интересуется Герман даже не надеясь перекрыть двадцатидвухметровую мясорубку навсегда изрубившую в куски звезды.

– Ты предельно догадлив, Герман Всеволодович. Просто на диво, – смеется, соревнуясь децибелами с вертолетом, Елифаныч. – И вообще, дайте я вас хотя бы обниму, дорогие мои солдаты.

– Ну-ну, майор, предупреждаю, я до ужаса ревнив!

Но, наверное, голос Германа совсем не может соревноваться с вертолетным двигателем, ибо Драченко наваливается на них обоих всей своей тушей, а большущие лапищи сминают их, как щупальца Кракена, затаившегося в глубине Центрально-американского желоба. Как может этому противостоять какая-то хрупкость перил палубного ограждения?

Конечно, эти мегапарсеки устроены на диво бездарно, однако есть в них все-таки что-то эдакое. Как бы получше объяснить...

2. Паровозная топка времени. Голубые экраны

До этого он жил как все. Шлялся туда-сюда, по возвращении делая крюк мимо упирающихся в небо тридцатипятиэтажных башен, а конкретнее, возле больших, блестящих баков для мусора. Он в них не рылся, ну разве что несколько раз, когда вечерело и в сумерках получалось пересилить стыдливость. А обычно, так, заглядывал, как бы между прочим – иду, понимаете, гуляю; да вот теннисный мячик тут обронил, может, закатился куда? А, ну нет и нет, не в претензии. Иногда там попадалось кое-что интересное, годное куда-то для чего-нибудь. Однажды даже монитор; большой такой и даже не очень древний; после – чудеса! – выяснилось, рабочий. Там, в длинных башнях с работающими лифтами явно была страна Лимония, но пройти нельзя – два швейцара с пневматическими карабинами. Неужели разрешено прямо по людям на улице? Или все же только внутри, на ковровых дорожках? Но возле «мусорок» никаких швейцаров. Но тут своя кастовая система, однако круглосуточного дежурства «бомжатыне», понятное дело, не ведут: демократия есть демократия, режим инвентаризации наличного добра только три-четыре раза за сутки. Понятно, еще кошки, собаки. Ну, тем не жалко, все едино, долго не жить – когда-нибудь на шашлычек или вообще целиком запеченными. Это, конечно, если маленькая, какая-нибудь упитанная болонка, задыхающаяся от жира – отъелась на настоящей магазинной колбасе. Он как-то пробовал... Да нет, не колбасу. В смысле, и колбасу пару раз тоже, но вот тогда, эту самую болонку. Так, ничего. Правда, шерсть попадает; долго потом отплевывался. Еще подумалось тогда: «Может, объявления почитать? „Разыскивается белая боло... Прошу вернуть за солидное! вознаграждение“. Как же, дадите вы вознаграждение. В смысле дадите, а сами тут же в участок с мобильника. А там: „Откуда денежки, молодой бестолковый? Что?! Вознаграждение? Не смейся мою Ньюсю. Клади сюда! Будем разбираться“. Но шерсть все-таки невкусная. Еще Матусян поджучил, будто если проглотишь нечаянно, то обязательно там, в желудке прорастет. Будешь, понимаешь, сам себе болонка, только внутри. Потом, когда на другой день все еще отхаркивалось, думалось – это все еще ее, или уже твое собственное?

Короче, жил как все. Шлялся... В сторону школы... Иногда даже в нее саму. А что, приколно. Тогда розги, и карцер в подвале еще не ввели; в газетах разных только все судили, да рядили: „Сколько в среднем ударов ремешком рекомендовано лучшими психологами мира для торможения полового созревания девочек?“. С мальчиками, похоже, и так все ясно-понятно. Ну так вот, шлялся. И еще, конечно, TV. Девяносто пять каналов: пока просто листаешь, можно бы сделать те самые уроки. Но кто делает-то? Если только для прикола. Как-то даже была такая мода... С недельку держалась. „Препады“ стояли на ушах. В учительском штабном блоке: „Не есть ли это реакция самой природы человека как вида на процесс деиндустриализации?.. В обществе зреют подспудные тенденции... Мозг это природный феномен, который не может все время пережевывать жвачку, иногда ему требуется...“ У слушающих сквозь замочную скважину животики вот-вот надорвутся.

В общем, на TV за девяносто каналов. Почти все „лабуда“, как бы выразился тот „последний физик“ в учительской – „жвачка“. Однако жуем. Особо жуем, когда в рекламе, ту самую колбасу режут ломтиками и... Типа „стала еще аппетитней, еще вкусней“. Но вот в магазине тоже теперь охрана, так что как когда-то через стекло на прилавке не полюбоваться. И глотаем слюни „на сухую“, даже не „вприглядку“. В смысле, вприглядку можно с TV. Главное, чтобы потом или, еще хуже, до того, не про памперсы. Ибо прямо-таки реалистично, только что без запаха, фекалии во весь экран, и несчастная мамаша их голой рукой толчет, и размазывает, прямо по стеклу, с той стороны TV. В общем, если колбасу сразу после этого, то как-то не очень. Может, какая-то другая колбасная фирма конкурирующую колбасу подставляет? Все вероятно.

Но, честно сказать, сорокаминутный рекламный блок по двадцати каналам, это, клянусь, та еще песня о главном. Пока добил, тут тебе и наелся („пельмени "Сон" – это сон!"), и нанюхался (духами, „дезиками" всякими, особенно шикарными – „Имитатор немытого тела" или „Случайно одела старые трусики"), побрился („КУ" – это гладкость, ибо 64 лезвия с независимой подвеской это титановый комбайн... Бреясь „КУ", ты помогаешь разоружению! Титан для „КУ" получен от переработки лодок типа „Акула"! Покажи „Акуле" „КУ"!), и просветись („Читать круто! А читать самодвижущиеся комиксы "Сара-Мара" – еще круче"), да и вообще...

Короче, живешь как все. Потом вдруг останавливает на улице какой-то тип в майке с надписью «Покажи кузькину мать!». И даже не слишком смахивает на маньяка. Начинает что-то втирать. Поначалу как реклама – все мимо кассы. Потом постепенно... Черт знает, может, пользуют какую-то электронику? Пока ты, зевая ртом, шлепаешь рядышком, что-то там из джинсового кармана светит тебе прямо в голову, взбалтывает рекламную кашу, и вот уже...

– Ты думаешь, что не можешь влиять на процессы? Ха! – и еще «ха-ха!» для верности. – Только прими решение, и все. Они специально обрабатывают тебя. Всех вас! Вы должны быть тупыми осликами, вот вы такие и есть. Но! – Тип с «кузькиной мамой» доверительно наклоняется. – Ты не просто потребитель. Ну, так они тебя называют, а потреблять-то особо нечего. Все вкусно наверху. Так вот, в твоей власти заткнуть их лживую пасть. В общем, прилазь послезавтра в семь (да не утра, не бойсь) к памятнику Пушкину (ну да, за площадью Ленина, то бишь Бендеры). Не пожалеешь. Покажешь вот это, – и что-то мягкое в руку.

– Что за фигня? – говоришь ты, пялясь в кожаный значок на закрутке, с изображением большущего молотка в еще большем кулаке.

– Это знак принадлежности. – И майка с «кузькиной мамой» испаряется.

3. Примерка брони

– Дело вообще-то нехитрое, потому как воевать вам придется с «железяками». – И Потап Епифанович улыбается шире солнца. – Твоему «Пульсару», Герман Всеволодович, это просто семечки. Вы с авианосцем справились, причем в худшем чем нынешнее снаряжении.

– Ну, авианосец, пожалуй, был все-таки не в своей среде обитания, – пытается возражать Минаков, и возражать, понятное дело, не по конкретной фразе, а по сути дела. Хотя ведь понятно, что нет никакого резона возражать, если уже сам давно согласился на выполнение нового задания, в чем бы оно ни заключалось. А потому стоит просто поддакнуть обожаемому начальнику. Однако командир нижнего звена в момент постановки задачи сверху обязан ворчать. Так принято. – И что значит, воевать с «железяками»? Это с танками, что ли?

– Не смейся, Герман Всеволодович, если б дело шло о такой мелочовке, я бы опасался, что вы соскучитесь, ведь танки для «Пульсара» тоже дело пройденное. Слышал от господина Шикарева, как вы с ними разделялись в Африке, еще в период моей болезни. Так правда это или врут люди?

– Значит, в деле даже не танки, – вздыхает Минаков. – Что-то еще похуже. Интересно бы ведать, что?

– Не мучайся, лейтенант. Против вас будут всего-навсего роботы. – Теперь майор Драченко улыбается примерно как звезда Бетельгейзе, которая, как известно, неохватней Солнца ровно в триста раз.

– Ух ты, господи боже! – присвистывает Герман. – Это как, шуточки такие или умники Центра уже изобрели Машину Времени? Решили с нашей помощью погонять Терминаторов грядущего.

– И, кстати, не смейся, Всеволодович, – демонстрирует не отличный от настоящего, но все же пластиковый указательный палец майор Драченко. – Все почти так и есть. То, что отрабатывается в обороне, интересующего нас в качестве цели, объекта когда-нибудь вполне может встать на поток. Так что вам карты в руки, Герман.

– Эге-ге, Епифаныч, меня начинают терзать смутные сомнения. Не решил ли наш доблестно-таинственный Центр подработать «новых» долларов на стороне? За наш счет, разумеется. Мы, значит, должны участвовать в испытании новаторств янки? А в зависимости от этого они пустят или не пустят данную технику на конвейер, так?

– Ба, лейтенант Минаков, вы столь догадливы, что я начинаю подумывать, не произвести ли вас в капитаны или даже майоры, минуя промежуточные ступени. По типу случая с малоизвестным космонавтом Гагариным, коему некие достаточно смелые исследователи приписывают первенство космического полета, обгоняющее общепризнанное демократической общественностью лидерство Гленна.

– Ну вот, Потап Епифанович, у вас после госпитализации начала прогрессировать мания величия. Теперь вы приписываете себе полномочия по присвоению очередных, и даже внеочередных, воинских званий. Я-то, конечно, очень даже «за», но вы все же не министр обороны «ридной» Москвы.

– Вот они – современные дети закатившегося прогресса, – комментирует Драченко. – Тут для них же стараешься, живота не жалея, и никаких благодарностей – сплошные упреки.

– Точно, майор, – скорбно кивает Герман. – Вот они отъевшиеся в сытом прошлом старики, жаждущие и сейчас, по привычке, заграбастать все и вся у молодежи, а заодно заслать ее куда подальше, откуда она уж точно не возвратится капать на мозги.

– Так, Герман, ты уж эти злые пророчества брось, не перегибай, – меняет тон бывший глава отряда «Ахернар». – Вообще, поболтали и будет. Давай продолжим по делу.

– Всегда готов!

– Вот и ладненько.

4. Комбинаторы

– Итак, господа, по какому еще поводу мы тут собрались? – спросил президент Соединенных Штатов Ад Буш. – Что за новый прискорбный случай соединил нас сегодня? Или мои вопросы звучат чрезмерно язвительно, господа военные и господа штатские? А вот я, например, так не думаю. Несмотря на наши постоянные совещания, мозговые штурмы и прочую натужную активность, наша страна летит в тартарары. Война в Южном полушарии идет вразнос. Похоже, мы не убираем оттуда войска и флот только из бараньего упорства. Хотя кто знает, вдруг, если мы их все-таки утащим сюда, назад, все будет еще хуже? В нашей более чем столетней вотчине Панаме наши лучшие корабли подвергаются ядерным ударам, садятся на мель. Там же тонут наши самые мощные ударные лодки. Какие-то прохиндеи неясной национальности крадут у нас ядерные боеприпасы. Хотя, может, и не крадут. Ведь наши доблестные разведуправления не способны установить даже этот простейший факт; то есть присутствует ли в деле состав преступления вообще, если выражаться юридически. Здесь, на нашем родном континенте, творится бог знает что. Эсминцы, мощью в крейсер, стреляют по своим. Преступники выпускаются из тюрем за просто так; охранники добровольно, и без особого давления, отдают каким-то проходимцам ключи от камер. Национальные меньшинства, которые извечно отставали в развитии от элитной нации (я сейчас констатирую факты, а не закрываю на них глаза, следуя любимой нами политкорректности), теперь почему-то запросто захватывают целые штаты, играючи разоружают гарнизоны штатной численности. Так, господа, или не так? Я что-то еще упустил?

– Господин президент, – зафиксировал полуминутную паузу после слов Буша советник по национальной безопасности Миллард Ладлоу, – однако есть одно обстоятельство, о котором вы в силу занятости покуда еще не ведали. Сегодня ночью я и министр обороны вникали в проблему. Разрешите передать слово ему.

– Что, министр Шеррилл Линн, вы хотите сейчас меня расстроить? Доложить о результатах вашей инспекции театра военных действий в НЮАС, да?

– Никак нет, господин президент, мы с господином Ладлоу обсуждали сегодня другую проблему. Хотя она, надо признать, имеет отношение и к тому, что вы упомянули сейчас, и даже к тому, что раньше.

– Ну, давайте, Шеррилл. Я весь внимание.

– Господин президент, помните ли вы что-нибудь о программе «Прыщ»?

Буш Пятый посмотрел на министра и повернулся к советнику по национальной безопасности:

– Миллард, о каком еще «прыще» идет речь? Я что-то должен о нем знать?

– Вообще-то, скорее всего, нет, господин президент. Но мало ли какие источники информации имеются в вашем распоряжении? – пожал плечами советник. – По крайней мере, вы могли помнить о некоем всплывшем когда-то скандале о «разбазаривании государственных средств на нереалистические проекты сумасшедших интеллектуалов». Но если даже не помните, ничего страшного. Министр обороны для того и взял слово, чтобы подробно и четко все до вас довести.

– Значит, приступайте, Шеррилл. Нечего тянуть.

– Очень вкратце, господин президент, дело заключается вот в чем. Я на днях проводил совещание с нашими главными разработчиками оружия, в том числе учеными и конструкторами. То есть с цветом нации – мозговой элитой. В общем, есть такое предположение, что весь текущий кризис, абсолютно все перечисленные вами проблемы, вызваны в первую очередь кризисом управления.

– Ага, решили скинуть президента, – констатировал Ад Буш. – Я уж думал речь пойдет о чем-то действительно важном. Кого назначите-то? Нашего «вице»? Знаете...

– Извините, господин президент, речь пойдет не об этом. Дело не в конкретном президенте, вице-президенте или Комитете начальников штабов. Наша научная элита предполагает, что все гораздо хуже.

– Что значит хуже?

– Разрешите вмешаться? – внезапно пробасил председатель комитета начальников штабов, четырехзвездный генерал Форд Эммери. – Сэр, я хочу довести, что я лично и весь штабной комитет, против этого вывода.

– Подождите, генерал Эммери, – отозвался Буш, – я еще вообще не слышал никаких выводов. Пусть договорит ваш начальник – министр обороны США.

– Так вот есть предположение, господин президент, что кризис управления возник потому, что сложность каждой из проблем независимо от других вполне поддается управлению старыми, то есть известными до сегодняшнего дня, методами, но весь комплекс, все узлы переплетений этих проблем, никакому стандартному управлению вообще не поддается.

– И что теперь, Шерилл, предлагаете, сложить лапки и ждать у моря погоды?

– Нет, господин президент, имеется новый, альтернативный вариант.

– Ну так, будьте любезны, господин Линн, доведите же его мне в конце-то концов.

– Так вот, есть мнение, что на некоторое время, до разрешения кризиса, управление государством, а в первую очередь армией, требуется передать разуму более высокого порядка.

– Это что за фрукт такой, если не секрет?

– Это та самая, упомянутая две минуты назад, секретная программа под кодовым названием «Прыщ». Это, понятно, специально путающая чужие разведки кодировка. Настоящее название – «Управление страной с помощью системы нечеловеческого интеллекта».

На некоторое время в помещении повисло гробовое молчание.

5. Примерка брони

– В общем, задачка раз плюнуть и отряхнуться, Герман Всеволодович, – задумчиво разглагольствовал майор Драченко, расстилая на столе лист крупногабаритного монитора. – Вот тут, в юго-западной части штата Колорадо, так сказать, почти в самом центре Америки, имеется интересующий нас, а теперь еще в большем смысле и вас, объект. Это подземный цент управления армией. Очень таинственная штука, мало кто про нее знает. В самых секретных документах он именуется эдаким шутивым прозвищем «Прыщ». Расположен этот «Прыщ», естественно, под горой, потому как в тех местах вообще-то сплошные горы, называются Скалистые. Может, слышал?

– Откуда мне, Потап Епифанович, я человек темный, из амурской тайги явившийся, – пожимал плечами Герман, разглядывая электронную карту. – Желаете просветить?

– На счет элементарщины, лейтенант Минаков, читайте в личное время справочники.

– Ну вот еще, майор, – почти натурально возмущался Герман. – Где ж его взять, то личное время? Вы ведь у меня его всегда отбираете. Вон, один раз в жизни хотел проехаться на пароходике по океану, не торопясь; пригласил с собой девушку, и что? Как всегда в самый неподходящий момент явился Потап Епифанович Драченко, прикрываясь все тем же таинственным – этот ваш «Прыщ» рядом не стоит – Центром Возрождения, и пригласил проехаться по небу. Я вот подозреваю, что вы за мной всю дорогу приглядывали, и, как всегда, в самую ту, нужную для души, секундочку повязали.

– Правильно предполагаешь, Герман Всеволодович, очень правильно. Для чего же еще держать в небе спутниковые группировки, как не для подглядывания за интимными моментами из жизни лейтенанта-аэромобильника Минакова, так ведь? Мы ведь очень волнуемся за твою целомудренность, Герман. Очень волнуемся. А то вдруг привыкнешь да пойдешь в разнос. Кто тогда будет таскать по Америке ядерные головные части?

– Э-э, стоп-стоп, Епифанович, – улавливал Герман на лету. – На счет ядерных головных частей сказано, так сказать, ретроспективно или имеется в виду что-то новенькое?

– Во, видишь, Всеволодович, благодаря сохраненному нами целомудрию ты не потерял курсантскую интуицию, – хвалил Драченко. – Ты абсолютно прав, придется снова взваливать на плечи родного экзоскелетика заряды и переносить их куда следует. Да, впрочем, заряды-то ерунда – сто пятьдесят килотонн. Правда, эта самая, упомянутая тобой фирма – Центр Русского Возрождения – напартачила, несколько увеличила вес. Зато теперь это полноценные, пригодные к применению фугасы.

– Мама моя, – присвистывал Герман, расправля согнувшийся уголок тканевого монитора, – это что же, Центру более не на чем таскать заряды? Лучший вариант моя хлипкая спина?

– Не паникуй, не паникуй, лейтенант. Во-первых, слушать надобно внимательно, я ведь упомянул про «панцири». Так что плечики лямками никак не натрутся. А во-вторых, ты же у нас начальник, правильно? А у начальника всегда и всюду имеются подчиненные. Вот они-то, родимые, и покряхтят, пригибаясь.

– Так-с, а нести, как я снова догадываюсь, придется к этому самому «Прыщу», да?

– Ну, разумеется, мой сообразительный друг, разумеется. Но мы не садисты. Вначале мы вас немножечко подвезем. Въедете со стороны штата Нью-Мексико. Там сейчас бардак высшей пробы. Беженцы оттуда валят большими, неуправляемыми толпами, десятками, сотнями тысяч. Мы рассчитываем, что среди них достаточно легко затеряться. Тем более валят оттуда сплошь белые. Есть там, правда, – уже наличествуют – пункты приема мигрирующего населения. Там дают направления в какие-нибудь лагеря временного размещения, а заодно изучают «кто ж это к нам в гости с югов пожаловал». Но мы рассчитываем ссадить

вас с транспорта несколько ранее. Придется сделать пешую прогулку, примерно вот здесь. – Потап Елифанович тыкал в мониторную плоскость.

– И сколько оттуда до места? – проявлял живой интерес Герман.

– Нет, отсюда далековато будет, Всеволодович, – кивал Драченко. – Это так, промежуточный этап – сорокакилометровая прогулка по природе. Дабы обойти всякие полицейские КПП. В тех местах до сей поры леса, так что достойная скрытность имеет место быть. Потом снова транспортные потоки. Но ведь это уже – как бы выразиться – на территории «северян». Так что подход к месту будете осуществлять с севера, то есть с менее ожидаемого направления.

– Я мало надеюсь, Елифаныч, но вдруг нам всего-то и надо, как подойти к этой самой горе, в которую вкопан тот самый «Прыщ», и скромненько забыть около нее один-два легеньких рюкзака с боеприпасами, не запамятавав, разумеется, инициировать специальные высоконадежные и устойчивые к электромагнитному импульсу часы. Так ли это?

– К сожалению, вынужден разочаровать, Герман Всеволодович. Если бы можно было обойтись только лишь такой прогулкой, я бы считал себя счастливым человеком. Да и вообще, получилось бы обойтись спецнами менее высокого уровня. Однако... – чесал постриженную, но все же густую, ибо вообще-то не так давно инплантированную шевелюру майор Драченко. – Как я упоминал, в деле заряды средней мощности – семь с половиной «хирисим». «Прыщ» же вкопан на сто пятьдесят метров относительно предгорья, но поскольку над ним гора Корпуленк, то получается, по вертикали над ним целый километр разнообразных твердых пород. Это ближайшая точка, по горизонтали только с одной стороны что-то в этом же роде, но умноженное на три, а с остальных сторон гораздо поболее. Согласно добытых Центром теоретическим прикидкам, «Прыщ» обязан выдержать десятимегатонную ракетную боеголовку, с вероятностным отклонением сто пятьдесят – двести метров. Точно также его не способна поразить проникающая боевая часть, с углубкой до ста метров, эквивалентом сто-двести килотонн.

– Вот это прыщ, Елифаныч. Просто, всем прыщам – прыщ!

– Уместное дополнение, Герман, очень уместное, – кривился майор Драченко. – Исходя из вышеперечисленного... Хотя, конечно, никто не проводил натурных испытаний, а теория, как известно, это теория. Вдруг даже половина реальной мегатонны сплющит этот штабной комплекс в блин. Но мы, понятное дело, исходим из худшего. Так вот, вам придется проникнуть внутрь этой горы, то есть, занести заряды прямо в рабочий туннель. И, представь, Герман, положить его не где-нибудь скромненько у входа, а... Вот посмотри-ка новую картиночку. – В плоском мониторе производилась смена кадра. – Это не совсем точная, но достаточно приближенная к действительности схема. Наблюдаешь тунельчик?

– Вот этот «тунельчик»? – строил мину Герман. – Ничего себе! Дайте-ка масштаб. Так он почти три км длины!

– Ну да, два и восемь десятых.

– И мы значит должны...

– Там пять дверей, рассчитанных на противостояние серьезной ударной волне. Порой это цельные, а порой многослойные отливки. Вес... Лучше уж не знать. В общем, вам придется доставить заряд как минимум вот сюда. Останется только одна дверь, и она при ста пятидесяти килотоннах не спасет.

– Весьма интересная миссия, я бы сказал. Сколько у нас шансов дойти туда, да еще и выбраться раньше, чем то, что мы доставим, рванет?

– Думаю, всякие процентные вероятности вам тоже лучше не знать. По крайней мере, до поры до времени. – И Елифаныч совсем не притворно вздыхал.

6. Паровозная топка времени. Голубые экраны

Значок сидит на рубаше, как будто вшитая на китайской фабрике лейбла «Лэвис». Здесь он всегда, наверное, и был. Теперь ты с презрением шуришься в «сорокаминутку». Прикрываешь один глаз и вздергиваешь руку. Все будто через прицел. Уже получается смотреть на этих счастливиц, чикающих ножичком колбаску, как на уродливые мишени. И совсем не сбивает с толку то, что девица, с рекламы резиновой куклы для взрослых дядей очень даже ничего себе. Мысленно выпускаем из нее воздух, как из куклы, и бьем в плоскую поверхность рисунка. Вообще теперь ты не просто стираешь время и ускоряешь процессы переваривания, глядя в бесконечный поток счастливых балбесов накушавшихся чипсов «Съешь меня – будешь иметь самый толстый!», теперь ты выполняешь задание. Запоминаешь лица. Вдруг тебе повезет, встретить их воочию! Что, конечно, невероятно – отсюда далеко до столиков. Но даже если не встретишь, сорок минут не потрачены зря. Там, внутри, вместо желудочного сока, загоняется в вены замешанная на правде ненависть. Они внушили тебе, что счастье в потреблении и более ни в чем? Они жестоко пожалеют – приближается час расплаты по неучтенным ранее векселям.

Да, повстречать этих веселых, фарфорозубых ребятушек тяжеловато. Но они должны знать, что мы уже все поняли и раскусили их трюк. Вообще-то эти бодрые старички и старушки, занятые ссыпанием в машинки порошков и замазюканного белья, а так же борьбой с напуганнейшей болезнью человечества – перхотью, сами являются лишь прикрытием для истинных манипуляторов. Жалко, в отличие от фильмов в рекламных блоках не высвечиваются титры, где указаны имена и фамилии создателей сего опасного барахла. Не того «барахла», что рекламируют, все эти «Фальцваген» и «Сони» как раз на лицо, а вот авторы самого рекламного клипа. Но ничего, ведь они особо и не секретятся, эти современные повелители душ. Рекламы самих рекламных агентств на каждом шагу: вербуют себе новую, молодую поросль. Отсечь бы им щупальца одним эффектным взмахом. Но это когда-нибудь. А пока можно, да и нужно, нанести удар не по направляющей голове и даже не по рукам – всего лишь по орудиям производства.

В деле только десять человек. Те, что не только со значками, но и со спрятанными под спортивными курточками бейсбольными битами. Остальные – с полсотни душ, правда, тоже в основном со значками, но зато без оружия. Это маскировочный пояс. Двигаемся разбившись на группки. Радостно чирикаем. Жалко, конечно, что девчонок подозрительно мало – их не хотят привлекать «в ряды» в большом количестве из-за природной болтливости. Потому толпа, даже рассредоточившись, все-таки выглядит агрессивно. Могут принять за каких-нибудь болельщиков-фанатов, и тогда... Может, бронетранспортер поперек улицы, а может, просто отснимут с вертолетного фоторужья профиль-фас – потом жди гостей с наручниками и с ордером. Но отнекиваться и филонить поздно. Закрутка значка навинтилась уже не только на рубашу. Пробралась по жилам-венам, наслоила макаронинами артерии. Тебе некуда деваться: ты и значок с молотом – единое целое. И неважно, что в руке не молоток. Булыжник – орудие пролетариата, а бита – орудие... Кого собственно? Ладно, это уже теоретический туман, нам его не протаранить, слишком долго наблюдали в экране поедание «Сникерсов». «Сникерсни с нами!» Вот и «сникерснул», годков до шестнадцати. Теперь во что-то больш-меньш сложное уже не ввариться, какие-то контакты в черепушке намертво запаяны, нейроны, мать их так, подошли, закуклились в маленькие «черные дыры». «Туды» входит, назад «ни-ни»! Все благодаря «Сникерсам», их пронесенным мимо твоего рта калориям. Нет бы спросить вовремя: «Вы что ж за меня и есть их будете?» – «Ага!» Но, наверное, не услышал, когда отвечали; неразборчивость сленга заглушила навязчивая музыка. «Подключись к нам быстрее. Всего пять центов!» Вот и подключился. Теперь где найди свобод-

ные синапсы для внедрения чего-то сложнее «Приключений Фроси и Моси на Красных астероидах Юпитера»?

Итак, плавноенько, рассредоточено подруливаем. Это называется «тактикой стаи». Вот теперь мы в фокусе. В перекрестии гига-маркет «Розовый слон». Но весь он нас не интересует, только отдел, специализирующийся на TV. Все разведано заранее, так что нас пока не занимают увесистые ребятки в помповиками. Заходим со стороны окон-витрин. Все! Шашки наголо! В том плане, что потные биты наружу. Ух ты! Как весело сыпанули стекла. И совсем они даже не пуленепробиваемые. Кто спорил, паниковал? Во! Да тут еще и сигнализация. Нам некогда ее глушить. Ноги повыше! Перешагиваем через обрезки стекол. Зачем проливать напрасную кровь? Хотя и жалеть особо не стоит – вся она пропитана клипами памперсов с младенчества. Нам нечего жалеть себя – мы лишь материал. Наше дело очистить сцену для пришествия новых, не рихтованных рекламой людей, с нормальными, не замкнутыми на «оттяжку» нейронами в черепе. А мы всего лишь жесткий напильник, должный подкроить издержки тупиковой цивилизации.

Ах, вот они, родимые, так нужные ранее TV. Что-то верещат, о чем-то посмеиваются лица-сирены. Вот и пришел ваш, да и наш, час. Опускается тяжелая палица судьбы. Ба-бах! Красота! Какие же они глупые. Этот уже с дырой и искрит, деформируется под кроссовками, а другие все еще не врубились. Хотя нет. Пугают! Пыжит мышцы какой-то культурист-чемпион. Впечатление от охвата трицепса? Нулевое. Опускается палица-бита. О, теперь да! А, обороняются. Выскочил сразу из трех экранов тираннозавр-рекс. Скалит зубы, отворяет пасть шире двадцати девяти дюймов. Не утруждайся, ты не у дантиста! Вот вам конец мезозоя! Рушится сверху палица-метеорит, круша атмосферу. Бегут, поджав хвосты остаточные рептилии. Получите комету Шумейкера-Леви прямо по кумполу! Ах, вымирать так с музыкой? Трясут попами бедолаги певички. Извиняемся, сегодня вас это не спасет! Свистит в кислородной среде разогнанная до лучевой скорости дубина. Ба-бах! И уже нет певичек – осыпались стеклянным туманом. Теперь что там? Муси-пуси? «Спокойной ночи, телепузики»? Дурачим младенчиков? готовим новые кадры для сериальных поездов в старость? Идет по дуге ударная субмарина для гольфа. Ба-бац!

А эти? Что притихли? Прикинулись мертвыми? Молча блестим чернотой, дабы про вас забыли? Спущен рычаг баллисты. Режет атмосферную плотность тяжелый, простой снаряд. Хуг! Ух ты! А ведь можно поднатужиться вдвоем и перевернуть всю стойку. О, это кто? Выскочил из видеодвойки или тут и был? Кричит что-то, брызжет слюной. А, он, оказывается, что-то тут покупал и оплатил, говорит. Смотри, какой Александр Матросов. Заслоняет свои 32 дюйма туловищем. Взлетает палица судьбы. Ничего, нечего было копить на такую технику. Век TV еще длится, но он уже прошел. Мы их приговорили, как прицельно пущенная комета, динозавриков. Ты что, еще не унялся? Кто вернет денежки за чеки? Ну, уж точно не мы. Раскручивается сверхзвуковая праща. Да отойди ты, баран! Вот, козел! Говорили же, предупреждали: "Не стой под стрелой, когда работает «Катюша». А тем более «Ураган». Что ж, теперь с TV наконец-то закапала кровь. Мы протаранили их душу.

Все, пора сматывать удочки. Хотя вон сколько тут еще TV – маленьких и больших, и еще наверное на складе. Ну вот этот, самый большой, покоящийся на верхотуре как замаскированный ДОТ... Его никак не получится обойти. Работает штурмовая группа. Смотрите, даже не вякнул!

Выскакиваем во все еще визжащие оконные проемы. Так-с... Это что? Мы разве грабители? Кто разрешал прихватывать что-то для себя? Заслужил? Ах ты затесавшаяся в наши ряды мразь. Жаждешь получить палицей? Вот то-то! Верю, что исправишься, а то бы... Прямо сейчас.

Ух ты! А вот и ребятки с помповиками. Бросьте свои «пукалки», посмотрите сколько нас. Вы окружены и плохо кончите, Джон Сильвер! Оружие на пол... То бишь на асфальт!

Руки выше! колени согнуть! Вот так-то лучше. Мотаем отсюда быстрее. Вот-вот тут окажутся «гансы» на «луноходах».

Надо не забыть избавиться от послуживших правому делу бит. Эх, не по специальности вы поработали. Никогда не увидеть вам красивых подстриженных лужаек для игры в гольф... Или там... Во что хоть ими играют? Кто знает-то? Ослы мы все-таки, ослы! Но ладно, хоть лягаться обучаемся.

7. Примерка брони

– Оцени, – говорит Епифаныч и тычет рукой в разложенное на помосте экзоскелетное снаряжение. – И, кстати, угадай страну-производителя, допустим, попытки за три.

– Неужто... – с ходу и в сомнении вздергивает брови Герман, подразумевая достаточно невероятный ответ.

– Вот именно! – поднимает указательный перст майор Драченко. – Вот именно. Правда, пока это опытная партия. Может, снова, не дай бог, повторим свой обычный завал дела, когда дойдет до опта.

– Мне почему-то кажется, что нам придется провести испытание этого новячего продукта в бою, так? – предполагает Герман, в некоем смутном сомнении за результат такой проверки.

– Ты прав, лейтенант. Настолько прав, что я даже подумываю, не пора ли тебе повысить звание за пытливость и догадливость. – И Потап Епифанович снова вздергивает палец кверху. Ему явно доставляет удовольствие беспрерывно демонстрировать свой новый, на вид совсем не отличный от настоящей руки протез.

– Послушайте, майор, – кривит губы Герман, – что-то данная мысль не вызывает у меня восторга. Не лучше ли испытать полуфабрикаты на манекенах? Или в конце концов на каких-нибудь других, не столь ценных как мы специалистах?

– Ишь ты! – хмыкает Драченко. – Жаждешь подставить под удар товарищей? Братьев по оружию? Нехорошо, Герман Всеволодович, нехорошо. И кроме того, совсем плохо не верить в достижения далекой северной Родины. Она, понимаешь, о тебе печется, заботится. Почему, понимаешь, столь большое недоверие к успехам Московии на почве новых технологий?

– Новых? – в свою очередь усмехается Герман. – Со старыми...

– Ты потрогай, потрогай, оцени, – останавливает его начальник. – Может, не все так убого, как кажется. И я разумею сомнение, вполне разумею. Вот только намерен ли лазить по чужому авианосцу в «доспехах» инородного же производства, правильно? И в руках у вас были «плазмобои», тоже очень даже не «made in Russia», так? А потому и сомнения. А кроме того, обидно, что дают вам какое-то мелкое задание? Усложненный случай показа мод, так? А может, дорогой мой Всеволодович, тут расчет как раз совершенно противоположного порядка. Что, если новинка только и сможет сослужить службу в особо сложном, достойном тебя и твоего отряда задании, а? Ибо будет она у вас дополнительным и очень важным, никем не предугаданным козырем? Что тогда?

– Ладно, Епифаныч. Вам бы в рекламе работать, сбывать подержанные электро-авто.

– Ну вот, как только становятся героями, так сразу и считают, что отсидевшемуся в тылу командиру можно без спроса говорить всяческие гадости.

– Извините, майор, пожалуй с подержанными авто я перегнул, – отрабатывает маневр отхода на исходные позиции Герман. Он наконец протягивает руку и трогает разложенный «панцирь». – Ух ты, какой легкий! Послушайте, а это не скажется на твердости?

– А ты надень, не стесняйся, – убежденно кивает Потап Епифанович.

– Черт возьми, он еще и цвет меняет!

– Да, приспосабливается к окружающей обстановке. Мимикрия, так сказать. Но по команде может и наоборот – менять расцветку на самую яркую. Допустим, когда тебя разыскивают свои, откуда-нибудь с вертолета.

– Ловко, – соглашается Герман поднимая и рассматривая части экзоскелета со всех ракурсов.

– Естественно, обычный набор. Чувствительные сенсоры по всему корпусу, автоматическая накладка шины при переломе, «само-жгутовка» конечностей при разрыве артерий. Есть всякая «бижутерия», автоматически заполняющая эфир сигналами о помощи при ранении, но мы ее, по понятным причинам, отключили.

– Заботливые вы люди, – язвит Герман. – Ясное дело, главное скрытность операции, а люди, людишечки...

– Это точно, Герман Всеволодович, – улыбается майор Драченко. – Но главное все же, чтобы костюмчик сидел.

– Вы так думаете, Потап Епифанович?

– Да, есть такое выражение, уж не помню откуда. Старею, не молодею, слаб стал на память.

– Но зато новая рука работает у вас что надо, – подхваливает Герман. – А уж про новые ноги, я вообще молчу. Как вы намерены сгали с «вертушки» на палубу? Молодые, выносливые позавидуют!

– Правда, Герман? – совсем расплывается Епифаныч. – Так, может, мне это... Войти тебе в подчинение в качестве молодого и славного пополнения?

– Еще чего, не хватало плодить в команде нездоровую конкуренцию.

– Почему же нездоровую? Очень даже здоровую. Так, ты уже облачился? Ну, теперь давай кое-что проверим. – Майор Драченко обходит большущий стол и извлекает на свет божий девятимиллиметровый пистолет-пулемет «клин».

– Э-э, без шуточек! – отодвигается Герман.

– Не бойсь, солдат, – убежденно советует Потап Епифанович, снимая предохранитель и передергивая затвор. – Сделаем все без шума и пыли.

– Епифаныч, учти, я буду обороняться! Сервомотор штука серьезная!

Однако майор Драченко совершенно не шутит. Пистолет-пулемет грохочет в маленьком помещении не хуже зенитки. Причем не единократно – очередью. Вокруг дождь из гильз и визг переотраженных куда-то пуль.

– Епифаныч! Убью! – орет Герман и бросается вперед. Экзоскелет надет на него не полностью, так что движению не могут помочь искусственные икроножные мышцы основанные на памяти металла.

– Все! Все! Солдат, – вскидывает руки Потап Епифанович. – Как ощущение?

– Какое к черту ощущение! – Герман вне себя. – Если бы не твой преклонный возраст, майор, я бы...

– Уймись, Герман Всеволодович, уймись, – подмигивает бывший командир наемников, а ныне представитель таинственного Центра Возрождения. – Как ощущения, спрашиваю?

– Ты что, Епифаныч, очумел? Я только намеренно испытывал эти прелести на «Купере». Ты тут в тылу отсиделись, а я...

– Ну и как, ощущения совпадают с «куперовскими» на сто процентов? – как ни в чем не бывало интересуется майор Драченко. – Или все-таки имеются отличия?

– Епифаныч, не шути с огнем, сейчас я тебя пошлю. Я за себя не ручаюсь.

– Нет, все же как тебе? – продолжает любопытствовать Епифаныч. – Больнее? Комфортнее? Как? Нет, правда? Что, не понял пока? Может, мне дозарядить и повторить?

– Издеваетесь, майор? – Герман все еще кипит, а организм гонит по крови повышенные порции адреналина, так что ему покуда не до сравнения ощущений.

– Почему – сразу издеваюсь? Я провожу демонстрацию и проверку снаряжения нового вида, только и всего.

– Только и всего?!

– Конечно, Герман. И все-таки как ощущения? Видишь ли, в ТТХ утверждается, что этот новый «панцирь» прочнее тех, что вы использовали ранее, не просто в разы, а в десятки

раз. Потому и интересуюсь. Ты что-нибудь почувствовал? Давай, снимай. Поищем синяки, ссадины.

– Ну, Епифаныч, у вас и шуточки! – ворчит Герман. – Точно решили занять мою штатную должность. Травмируете командира отряда перед важнейшим заданием.

– И тем не менее, лейтенант Минаков, мне все же не ясно, как восприняты пулевые попадания вашей доблестной плотью?

– Нет, правда, требуются показания? Или вы все шутите?

– Какие шутки могут быть с настоящим патронташем, а? Я ведь не холостыми стрелял. Калибр девять миллиметров, скорость пули на столь плотном расстоянии, как положено, четыреста пятнадцать метров в секунду. Правильно? Вот и покажи синяки.

– Да, не чувствую я вроде.

– Тем не менее поглядеть надобно. Разоблачайся, товарищ аэромобильник.

В процессе осмотра подвергнутого экзекуции тела, они продолжили дискуссию.

– Вот видишь, действительно ничего нет, Герман Всеволодович, – совсем без удивления констатируют Драченко. – Знаешь, утверждается, что этот сверхлегкий панцирь способен устоять при попадании снаряда.

– Снаряда?! Ну, это уж...

– Понятное дело, энергия отдачи киданет человека-мишень так, что костей уже не соберешь, – спокойно поясняет Епифаныч, – однако сам «панцирь» будет цел, невредим. Такие дела.

– Да ну, не может того быть, Потап...

– Я рассказываю то, что мне самому довели. И речь, к сожалению, идет не о какой-нибудь кумулятивной сложности, или там о бронебойной дуре, калибром «сто двадцать» или даже «сто». Но все же тут совершенно новые технологии. Думаешь, куда девается энергия ударов при попадании пуль и прочего?

– Как, «куда»? Отражается, разумеется, – теряется Герман.

– Да отражается, но о том разговор особый. А уходит она за счет послойного испарения. Этот материал называется «тысячеслойка». На самом деле слоев там – миллион, может и десять миллионов, точно не скажу.

– Стоп, Потап Епифанович! – соображает Герман. – То есть «панцирь» становится тоньше и тоньше при каждом новом попадании?

– Да, что-то вроде этого. Но слоев миллионы, так что ничего страшного.

– Ну конечно, совсем ничего?

– Ладно, Герман, не нуди. Знаешь, из чего вся эта штука, все эти слои?

– Вот еще, Епифаныч. Я что же, по-вашему, «химическое» заканчивал?

– Понятное дело, нет. Ты обыкновенный тупой аэромобильник – все в курсе.

– Оскорбляете подчиненных за так? Нехорошо!

– Туг ты стал на простые солдатские шуточки, Герман Всеволодович. Ну да ладно, издержки долгого нахождения в некогда очень цивилизованной стране.

– Да, наверное, есть маленько. Все равно, вы когда шутите – предупреждайте. И значит, из чего же сие непробиваемое чудо состоит?

– Представь себе, из углерода.

– Ага, значит, опять матушка-нефть. Вообще-то вроде бы не броня.

– Это так званые суперфуллерены, – с умным лицом толкует Драченко.

– Очень красиво звучит, – кивает Герман. – И с чем же это едят?

– Вижу, сами шутить умеем, – констатирует майор. – Это уже хорошо.

– Ну, мне до ваших острот с девятимиллиметровым калибром еще расти и расти.

– И это правильно, лейтенант, – запросто соглашается Потап Епифанович. – Так вот, это самое звучное словечко значит, что материал «соткан» из специальных полых изнутри

молекул. Стой, Герман, без перебивки! Он потому и такой до невероятности легкий. Не знаю, сколько там, сотня или больше углеродных атомов выстраивают такие ячейки с пустотой посередине. Так что это чудо, по большому счету, вроде бы состоит из ничего. Весело, правда? В общем, когда-нибудь – хотя может тепереча и никогда – из таких панцирей будут делать звездолеты. И знаешь, почему? Потому что эта структура не рассыплется, даже если ее садануть об стену с первой космической скоростью. А может, и со второй.

– В смысле, эти будущие звездолеты будут, так сказать, без тормозов? То есть можно приземляться сразу и без парашютов?

– Ну, что взять с благовещенского аэромобильника, а? Ты случайно там, на Амуре, с китайского вертолета не сваливался, с относительно приличной высоты?

– Нет, Епифаныч, у меня же не имелось этих чудо-одежек.

– Ну а вот теперь они у тебя будут. Только смотри правда не сигани, а то скафандру, конечно, хоть бы что, а вот твои прямоточные мозги будем из шлема совочком выскребывать.

– Ой, товарищ старший офицер, какие все же у вас шутки аппетитные.

– Издержки профессии, лейтенант, – разводит руками Драченко. – Так вот, при столкновении эти самые пустоты на некоторое время уплотняются, а после атомные силы возвращают их на место. Понятно насчет объяснения чудес?

– Ну да, хотелось бы верить.

– А что, еще не верится? Так давай, облачайся по новой – я поднесу пулемет.

– Ладно, я пошутил, Епифанович. Не напрягайтесь.

– Как скажешь, Герман Всеволодович. А правда, умею я убеждать не хуже вымерших когда-то замполитов?

И оба русских офицера ржут.

8. Паровозная топка времени. Голубые экраны

Чекануться! Наш Лидер в TV! «Бесстрашный телекорреспондент» берет у него интервью.

– Но ведь ты же бьешь по людям, – говорит «бесстрашный корреспондент», от природы не обученный обобщать что-то словом «вы».

– Имеются в виду ослы, одурманенные «ящиком»? – спрашивает Лидер. – Нет, наша цель не они?

– Что, только «Ти-Ви»? – «бесстрашный» попросту неумолим.

– Да нет же, даже «Ти-Ви» не наша главная цель.

– Что же? – «бесстрашный» наивен до жути, явно доброкачественный продукт многолетнего TV-облучения.

– Система в целом. Мы должны расша... – кто-то более догадливый обрывает запись на полуслове. Идет смещение кадра. Ну, это уж они не могли не показать. Пройдет по всем каналам новостей и наверняка повторится завтра, послезавтра.

Красивой хромированной монтировкой Лидер крушит маленького переносного «Соню». Лепота! Но пластмасса поддается плохо, не летит осколками, просто сминается; приходится использовать рычаг. Чертовы япошки чего-то напридумывали. Но все равно лепота! Лидер просто молодец. Надо же, сумел пролезть в TV. Что с того, что интервью где-то на улице. Хотелось бы пожать ему руку. Но все-таки значок, гаденыши, крупным планом не показали.

Кстати, теперь он в моде. В ларьках продается. Давай грошы и цепляй. Иногда полицаи хапают «левых» мальчиков. «А я что? Мы просто значок купили. А я, дядя, ничего». Ну и пусть! Пусть «гансы» распыляют силы. Конечно, остаться с чистыми ручками не получается, никто и не планировал. Тогда в «Слоне» этот дядя – Матросов. Потом в «Громкой дудке» пришлось разделать охранника похлестче TV. Но ведь за дело? Он, гад, подстрелил двух ребят.

Пожать руку Лидеру не удастся. Куда-то он пропал. Потом, через месяц, пошли слухи, а может, и правда выяснилось – в доме умалишенных. Загнали, гады, к психам. И главное, по демократическому, свободному TV ни гу-гу. Где вы, бесстрашные операторы и борцы с тоталитаризмами? Ничего, без лидера не останемся. И к психам наведаемся. Может, там не только сумасшедшие на содержании?

9. Примерка брони

– Так вот, товарищ лейтенант, как уже говорилось, воевать придется с «железяками». Подземный суперкомпьютерный центр прикрыт не только обычной охраной, но и специальной роботизированной системой, – просвещал младшего офицера особо приближенный к новому командованию майор. – Она очень многофункциональна. Все ее плюсы-минусы, а так же подвохи мы, к сожалению, не ведаем. Но предположительно это достаточно пластичная машинерия. К сожалению, никто за эти годы не делал нападения на «Прыщ», так что насколько эта штукавина эффективна в действительности, мы знать не знаем. Кстати, мы так и не выяснили, подчинена ли обычная охрана, состоящая по старинке из людей, этой же компьютерной премудрости или же действует независимо. Мы даже не ведаем, что для нас было бы лучше, то есть общее подчинение или несогласованность действий.

– То есть, по сути, может получиться, что они будут мешать сами себе?

– По сути, может, и так. Но с другой стороны, две системы, и даже кавардак сутолочного взаимодействия, вносят элементы хаоса, то есть непредсказуемости. А ведь это усложнят не только их собственные, но и наши действия. Во всяком случае, на стадии планирования.

– Ага, значит, планировать ничего не будем?

– Герман, если сейчас засмеешься – ударю, – предупреждает майор совершенно будничным тоном. – Только учти, я эти протезы плохо чувствую, так что может получиться большее, чем обычно.

– Все понял, извиняюсь. И весь внимаю.

– Так вот, по этому поводу, планировать мы буде все равно, только планирование наше будет очень многоплановым. Уяснил, лейтенант?

– Так точно, товарищ майор.

– Вот и ладненько. Гляди на планшет.

10. Паровозная топка времени. Голубые экраны

И значит, без лидеров движение не остается. Что с того, что кто-то из бывших спрятан где-то среди психов, а кто-то в тюрьме? Лидер всегда есть, он многолик. Но теперь научены опытом, лицо в TV демонстрировать не будем. «TV-ящик» слишком опасная штука, чтобы засовывать туда свою наружность. И «работаем» тоже в масках. Так что когда в каком-нибудь офисе кабельного телевидения появляются люди с чулками, натянутыми на голову, все уже в курсе – ограбления не будет. Просто...

«Внимание! Проводится уничтожение „Бэ-О-О“. Поясняю: это „база обольванивания обывателя“. А вы что, работаете здесь и ни бум-бум? Странно. Всем очистить помещение! Попрошу не суетиться и не шуметь!» Конечно, какой-то активный охранник, бывший пограничник, может попытаться... Но теперь у нас тоже на вооружении не только клюшки для бейсбола и биты для гольфа. Есть кое-что похитрей. Иногда стоит продемонстрировать сразу, дабы избежать эксцессов. Нет, не стрелять. Лишние пули, извлеченные экспертами из диванной обивки, – это все улики, следы. Не стоит упрощать работу следователей. Пусть развиваются, а то они тоже несколько тупенькие, может, передалось по наследству от мамаш, увлеченных сериалами? Сосали соску под мексиканскую музыку, вот и не поумнели. Лучше б им «Шерлока Холмса» начитывали или хоть на DVD поставили бы озвученную книжку. Но что ж, пусть теперь наворачивают, дуют прожилки на лбу, оживляя нейроны.

Так вот, без необходимости стрелять не надо. А для уничтожения «БОО», как всегда, хватит спортивно-прикладной амуниции. Ну, еще немножко спичек, бензинчика. Да, есть риск, что запылает вся размещенная выше девятиэтажка. Что ж, погорельцы народ опытный – по судам, по судам. Мало того, что конкретно эту фирму сервиса доразорят, так еще на пикет выйдут, если на опустевший первый этаж попытается въехать что-нибудь подобное. И значит, на одну «БОО» меньше. А это вам не десяток-два «TV-ящиков» в магазине «Электротовары».

Конечно, старый промысел забывать грех. Уничтожение «МСПОММ» – «материальных средств производства ослов в массовом масштабе», надо продолжать и совершенствовать. И совершенствовать, кстати, не от хорошей жизни. Всякие «Тоши» и «Сони» активничают на почве пассивной обороны. Теперь некоторые, на вид обычные экраны не сразу протаранишь битой. А для корпуса вообще чуть ли не танк требуется. Но ведь все эти штучки и нам тоже на радость. Нет, не только оттого, что плечевые суставы крепнут в «битии», ибо теперь уничтожение TV догоняет по трудоемкости работу лесоруба доиндустриальной эпохи, а оттого, что сами TV, в противодействие сему, становятся дороже. А значит, уже не всем по карману. И кредиты не спасают, нет. Представьте раздирающую душу картину неизвестного художника «Инспекторы банка реквизируют из семьи „TV-ящик“ за неуплату». Мать рвет на себе внезапно поседевшие волосы, старая теща в обмороке, младший трехлетний сынуля стоит на коленях перед злыми дядями, молит о прощении, старшая дочь готовит веревку и примеряется к креплению люстры, а батяня уже голыми ступнями на балконных перилах, докуривает последнюю самокруточку. Это похлестче полотна Иванова «Баскаки», где татарва взымает дань золотом и девушками. Любой нормальный потребитель разрыдается и пошлет в фонд семьи часть отложенных на старость сбережений.

Результат? Самые бедолажные слои уже без TV. Но ведь нам того и нужно, правильно? У этих бедолаг обычно и младенчиков больше. А значит, хоть и в нищенстве, но вырастет детвора с не зачехленными «TV-ящиком» мозгами. А что же богатые? Да пусть имеют хоть пять штук на каждую комнату. Пусть их маленькие ослики отрачивают уши подлиннее. Тем проще будет в грядущем отобрать у них доставшуюся по генетической линии власть.

11. Примерка брони

– Так, все очень здорово, – констатировал Герман. – Но вообще-то кто нам позволит безнаказанно шастать по чужим коридорам?

– А разве вы привыкли спрашивать разрешения, а, герой Панамы Минаков? – приподнял брови майор Драченко. – Хотя тут ты абсолютно прав, именно здесь, в туннеле, самый опасный и рискованный участок. На счет вскрытия пятисот – или сколько-то там-тонных дверей, я растолкую тебе потом. Точнее, лучше меня это сделают специалисты твоего же отряда, которым перед этим объяснят, как такого добиться, не зарабатывая грыжу.

– Наверное, очень простой способ? – подмигнул начальнику Герман.

– Скажу тебе честно, не очень.

– Значит, не гениальный. Где-то я слышал, или даже, если не вру, то читал, что все гениальное – просто.

– Мне нечем парировать, Герман Всеволодович. Оказывается, в Благовещенском аэромобильном училище чуть лучше, чем я думал, – пожал плечами Потап Епифанович. – Так вот, касательно вышагиваний по тоннелю. Я надеялся, что проверка пулестойкости произведенного на Родине «панциря» вошла в оперативную память надежно.

– Да уж разумеется, майор.

– Ну, вот в таком же стиле и придется преодолевать эти два с мелочью километра, Герман. Я вам, правда, не сильно завидую. Однако, как я уже говорил, «скелет» нового типа выстоит при ударе легкого снаряда, точнее, он от этого не рассыплется.

– В отличие от человека внутри, правильно?

– Абсолютно, товарищ лейтенант. Однако мы надеемся, что из пушек по вам в туннеле палить не будут. Разве что из пулеметов. Но тут уж придется потерпеть.

– Здорово! Серьезный план! Атаковать противника в лоб. Где тактика? Наш уважаемый Центр Возрождения имеет представление о такой науке?

– Другого варианта никто, к сожалению, не придумал, Герман. Точнее, предлагался вагон и маленькая тележка, но все это еще менее реалистично. Ясный перец, если ты можешь предложить нечто оригинальное, а главное, возможное, я двумя руками «за». Только учти, у нас нет времени на эксперименты. Этот КП требуется взять, то есть уничтожить, очень срочным образом. Видишь ли, наши аналитики предсказывают, что в ближайшее время армия всерьез возьмется за «южан». Ты военный, непосредственно видел, как воюют негры с латиносами в обнимку. Представляешь, что будет, когда вооруженные силы спустят с тормозов? Нам надо во что бы то ни стало этому помешать. Да, вторжение в «панцирях» напрямую – выглядит очень нагло. Однако смелость берет города. Кроме того, это первое применение «скелетов» нового типа в бою. Элемент неожиданности на лицо. Как первые английские танки в Первую мировую.

– Но мы ведь все-таки не танки, Епифаныч!

– Придется прикинуться танками, Герман Всеволодович. Куда деваться-то?

12. Паровозная топка времени. Голубые экраны

А жизнь течет. Те, кто раньше начинал во всяческих «слониках» и просто «электротоварах», на месте не стоят. В смысле, двигаются по служебной лестнице. Теперь здесь не просто «хохлы-мухлы», почти военная дисциплина и организация. Отряды разбиты... Нет, не на десятки. Времена Чингизхана давно миновали, сгнили кости его воинов и утерян прах самого завоевателя. На дворе компьютерный век. О двоичной системе не слыхивали? TV-ящик не рассказал? Так просвещайтесь. Самая малая ударная единица – «двойка». В ней один, более опытный и давний, ответственен за второго, обычно «зеленого» новичка. Зачем идут «четверки». И снова один из «четверки», одновременно главный и «четверки» и своей «двойки». Потом «восьмерки». После, если уразумели принцип, то догадались, «шестнацати...»... Так не выговоришь. Зовутся или «пуд», или «один-шесть». Тут тот же принцип разделения властей. Ну а здесь пошли «три-два», «шесть-четыре», «один – двадцать восемь», «два – пятьдесят шесть». Дальше? Пока не требуется, хотя кто знает, может, и есть. Только ради конспирации покуда не оглашено.

И вот, значит, двигаемся по карьере, а заодно дорастаем до все более серьезных дел. Нет, не обязательно чем труднее дело, тем более крупная единица «Шашки-биты наголо!». Не по всякому делу требуются двести пятьдесят шесть исполнителей. Иногда хватит «восьмерки», но используем «один-шесть». Для обучения и массовки. Сейчас это требуется. Дело вообще-то простое, но с настоящей, причем запланированной загодя, кровью. Ведь с чем изначально обязалось биться и вдохновляло на борьбу «движение»? Ведь не с кабельным телевидением и не с TV даже. Призывы были против оболванивающей народ рекламы. Ну и вот наконец-то идентифицирован и отслежен настоящий – не какой-нибудь районно-фирменного масштаба – режиссер рекламного дела. Прибыл из столиц по делам. Денег у него, наверное, вагон, но здесь в провинции он оказался падок до дешевых по его меркам девочек. Склонен он побродить по окрестным кабакам, поискать приключений. Вот и нашел. Точнее, нашли.

– Здравствуй, Сникерс! – сказали ему однажды вечером, немножко выдернув из подсвеченной фонарем аллеи.

– Извините, вы меня с кем-то...

– А, ты Тампокс – Моя Внутренняя Радость? Или нет, ты же «Славный поток пива, и никаких проблем», да?

– Да нет, я...

– Значит, так, – растолковывает чей-то уверенно поставленный голос, – срок стажа в рекламном бизнесе двадцать один год.

– Во, напакостил-то! – присвистывает еще кто-то, загодя обученный.

– Обвинение стандартное для такой мрази, – продолжает голос, как будто читает с листа, а не по памяти. – Разложение молодежи образом легкой жизни – раз. Как следствие, вызов у молодых людей инстинктивного отвращения к труду. Развитие так называемого эдипова комплекса. Это два. Как следствие предыдущего, закамouflированное подстрекательство к воровству, грабежу, мародерству. Тут три. Последний пункт особоотягчающий, ибо в данном контексте обвиняемый считается не только соучастником, но организатором вышеперечисленных действий. Не просто воровства, грабежа, мародерства, но всего этого в массовом масштабе. То есть попросту, стихийного бедствия. Но, как известно, свойство вызова стихийных бедствий присуще колдунам. Следовательно, грабеж и мародерство в массовом масштабе – это четыре. А пятым пунктом идет колдовство.

– По многим перечисленным пунктам в нормальном человеческом обществе предусматривается высшая мера. Например, за занятие колдовством – сожжение на костре. Однако

поскольку в настоящий момент окружающее нас общество находится в ненормальном, относительно гуманитарных традиций, состоянии, и его состояние приравнивается к гражданской войне, то высшая мера распространяется даже на второй и третий пункты, ибо в условиях военных действий приравнивается к агитации в пользу агрессора. Или, по усмотрению суда, к диверсии. Что, естественным образом, так же предусматривает высшую меру.

– Далее, об использовании в рекламе сексуальных символов, что в «творчестве» обвиняемого присутствует постоянно. Сие не нуждается в доказательствах, ибо видно невооруженным глазом, однако доказано специально назначенной следственной комиссией. Так вот, не вызывает сомнения, что данные символы, показываемые по открытым TV-каналам без ограничений, приравниваются к развращению общества в целом, а несовершеннолетних членов общества в частности. Тут пункты шесть и семь. Пункт семь, в вышеуказанных, то есть чрезвычайных условиях, приравнивается к уничтожению долговременных запасов накопленных для отражения агрессии, ибо несовершеннолетние являются будущими солдатами, матросами. Разложение же молодежи, есть растление боевого духа бойцов идущих в бой сейчас, что, естественно, в условиях боя, есть действие ведущее к резкому увеличению потерь, до неприемлемого уровня. Следовательно, прямое потакание врагу. Что, конечно же, предусматривает высшую меру.

– Помимо этого, заостренность художественной пропаганды данного автора, прямым образом ведет к увеличению изнасилований, то есть к провоцированию межполовой войны. В «Уголовном кодексе», пункта прямо соответствующего названному деянию нет, посему, обвинение вынуждено действовать по закону подобия. Ближайшим пунктом отождествляемым с вышеуказанным действием является, присутствующее в более ранних вариациях кодекса, «Разжигание межнациональной и (или) межрасовой вражды», а также «Пропаганда войны». Поскольку дело идет о пропаганде внутри собственной страны, то, следовательно, соответствует «пропаганде гражданской войны». По всем названным пунктам, в условиях современного состояния государства и общества, предусматривается высшая мера.

– Далее, по тем же изнасилованиям. Здесь признается не только провокация, но казуистически завуалированное, подстрекательство. То есть соучастие. И опять же в массовом масштабе. Что в условиях... (все понимают, о чем речь, и не стоит утомлять народный суд бесконечными повторениями)... признается действием ведущим к выводу из строя защитников родины, ибо в условиях войны, на фронт призываются и женщины тоже. Тут, также понятно – высшая мера. Итого мы имеем пункты восемь и девять.

– Теперь по поводу показа на TV деликатесов, а также кормления животных дорогим продовольствием. В условиях, когда львиная доля жителей пожилого возраста не может позволить себе полноценного питания, данное действие, само собой включая пункт три, приравнивается к намеренному издевательству над пожилыми людьми. А поскольку пожилой человек, относительно среднего возраста, может считаться больным, то, следовательно, к намеренному издевательству над больными людьми. Выражаясь проще – это нечто иное, как садизм. Подсудимый психически здоров, а значит, данные действия преднамеренны и, кроме того, загодя и скрупулезно спланированы. То есть, садизм самого гнусного толка, осуществляемый по отношению к людям, не могущим себя защитить. Это пункт десять. Естественно, в вышеперечисленных условиях он предусматривает высшую меру. Садистские же действия в массовом масштабе, тем более в условиях войны, разумеется, караются смертной казнью.

– Еще обстоятельства. Поскольку данный обвиняемый действовал не в одиночку, а использовал пособников – операторов, девушек-моделей, художников и т. д., то ему в вину инкриминируется создание преступного сообщества. Это уже пункт одиннадцать. Преступные же сообщества действующие в полосе линии фронта в собственных боевых порядках, разумеется, являются прямым потаканием врагу и караются... Все все поняли?

– Далее. Действия обвиняемого прямым образом направлены против культуры народа в целом. Они грубо, но вполне точно приравниваются не просто к хулиганству или вандализму, а к преднамеренному уничтожению историко-культурного наследия. Историко – же – духовное наследие есть крепезный стержень борьбы с агрессией. Подтачивание же этого стержня в условиях войны это прямое потакание врагу. Непререкаемо карается смертью. Итого, перечислено двенадцать основных пунктов. Наличествует еще несколько второстепенных, но имеют ли они значение в данном случае для изменения приговора в сторону смягчения? Нет, не имеют. Потому перечисление их сейчас отменяется.

– Итак, подсудимый, вы все поняли?

– Что вы себе позволяете, я буду жалю...

– Да, кстати, в связи с особо зверским набором преступлений данного рецидивиста, а главное по случаю применения простого народного правила «Зуб за зуб», «Последнее слово» данному рецидивисту не предоставляется, ибо все его жертвы не имели возможность не только вступить с ним в спор, но даже не могли видеть его лицо. И значит, так же точно Народный суд поступает и по отношению к нему.

– Итак, – фон происходящего теперь не включает даже неосвященную часть аллеи, вокруг пустырь, – подсудимый, вам зачитаны пункты обвинения, прав вы лишены, так что пора приступить к приведению приговора в исполнение. Столь большое количество пунктов предусматривающих «высшую меру» должно быть приведено в исполнение хотя бы в приближении. Номо sapiens существо, живущее один раз. Вам же в соответствии с двенадцатью пунктами уничтожения придется приблизиться к смертельной черте многократно. Но тут уж, по делам вашим. Тем боле данный суд хоть и не открыт для народа, тем не менее показательный. Ибо результаты его будут наблюдаемы всеми, в том числе любезными вашими друзьями – СМИ, – а через них вашими сообщниками и коллегами-рецидивистами всех регионов.

– Значит, поскольку ваши жертвы, в отличии от вас, не имели возможности вам возразить, то и вы перво-наперво лишаетесь таковой возможности... Господа ассистенты, прошу раздвинуть подсудимому челюсти и подать назначенному загодя палачу перчатки и инструмент... Итак, данный пропагандист врага лишается своего змеиногo жала – языка... Ну-ка, господа судьи, подсветите господину палачу фонариком... Осторожно, сейчас вокруг будет очень грязно... А вы, молодежь, не увиливайте, смотрите и учитесь. Наше поколение со всеми вражинами не управится. Перенимайте опыт и развивайте новаторство.

– Так. Следующее лишение будет касаться ручек преступника, органов, кои явно участвовали в написании всяческих сценариев вышеуказанного вредительского уровня. Держите фонари ровнее, господа судьи! Начнем с шаловливых пальчиков...

13. Примерка брони

– И не надо, дорогой мой Герман, про всякие высокотехнологические чудеса. Ты ведь не ракетчик, правильно? – отмахивался майор Драченко. – Уж поверь: там, на верху, у нас целая свора умнейший голов, собранных по нитке со всех России. Думаешь, они не прикидывали нечто в этом роде? Да, если бы можно было «фьют» – откуда-нибудь из стратосферы, «дрынь-дрынь» – внедрился в скалу, и «трах-бабах» – подорвал, то уж поверь мне, не стали бы рисковать.

– Ну уж, на счет риска не надо, Епифаныч, – в свою очередь махал ладонью лейтенант Минаков. – Что мы для Центра, в недоступных далях помещенного? Пыль сапоговая, верно?

– Не скажи, Герман, – отнекивался Потап Епифанович. – Хотя я ведь не о непосредственном риске исполнителей, я о другом. О том, что в текущем плане все многократно висит на волоске; в том смысле, что не на многих, а на одном тонюсеньком, и обрыв его ведет к полному провалу затеи. А ведь срыв акции – это невозможность повтора, верно? Враг уже насторожится. И потом, как мы с тобой догадываемся, наше дело только часть некой грандиозной затеи, так что срыв на фронте горы Корпуленк, очень даже вероятно, ведет к грандиозному общему провалу. Так что, если бы все получалось решить такой хитрой штукой, как проникающий заряд, думаю, вас бы в дело не бросили.

– Успокоил, Потап Епифанович, отец ты мой родной, – кивал Герман с ухмылочкой. – Возвысил, понимаете ли в ранге; поставил выше по приоритетности, чем оперативно-тактическая ракета.

– Ну не может она петлять по скальным коридорам, – улыбался бывший командир наемников, – не обучена еще. А вот ты со взводом – умеешь.

– Не, тут, видимо, не в том дело, майор. Какая-нибудь ALCM вполне сподобится подорвать входные створки. Ну а летя друг за дружкой, они, может, и по штольням смогут шустрить, как думаете?

– Значит, Герман Всеволодович, там есть непреодолимая для нашего случая ПВО, правильно?

– Наверное, вполне так, – соглашался Герман. – Однако думаю, здесь другая и всегдашняя фишка.

– И?..

– Секретность акции, понятное дело. Так ведь? Чего тут такого скрывать? Если запустить ракету, так даже если долетит, всегда получится отследить маршрут, точку старта и прочую всячину. Потом можно и на исполнителей выйти. А там мало ли... Обиженный вполне вправе нанести ответный атомный удар. Ну а здесь, кто его знает, что взорвалось? Может, тот же помещенный в горе реактор? Да, знаю я, Епифаныч, что он другого типа и не взрывается – вы же мне растолковывали. Но зато бомбочка у нас будет чья? Своя, местно-американская, с авианосца «Купер» доставленная. А посему, когда штабной комплекс на молекулы разлетится, получится очень четко определить что конкретно, на каком заводе сделанное, взорвалось. Так ведь?

– Голова, Герман Всеволодович, голова. Даже преклоняю свою, наполовину искусственную, – шурился майор Драченко. – Сам додумался или кто подсказал? Общение с гениальным хакером по фамилии Королева явно идет тебе на пользу.

– Скажите лучше: «Пошло бы на пользу». С вами пообщаешься, майор. Сколько часов вы вообще мне давали за это время спать? То новый «панцирь» осваиваем, то слаженность, то пошагово, соотносительно «скелетной» походки, рассчитываем глубину этих самых коридоров.

– Ну, не кипи, Герман, не кипи, – умиротворяюще басил начальник. – Не я в сем виновен. Время такое: отдуваемся за прошлые поколения лентяев, кои позволили себя облапошить и разрешили Америке накинуть на «шарик» свою паучинную сеть. Поздновато мы родились, не пожили в благодати неведения будущего. Так что уймись, лейтенант, и давай дуй с группой на занятия. Через десять минут вас будет учить уму разуму физик-ядерщик. Научит вас автономно подрывать доставленное с «Фенимора Купера» добро.

– О мама мия, зачем только меня черт понес в страну пальм – Панаму? – почти натурально всхлипывал Минаков. – Да и вообще в «суворовку»?

– Не плачь мальчик, – успокаивал его Драченко, водрузив на плечо чудовищных размеров ладонь. – Вы лишь бомбочку до места донесите, а там останется только быстро-быстро убежать. Всего делов-то. Кстати, по дороге в штат Колорадо отоспитесь. Мы вас повезем машинами – не самолетом.

– Учитывая гладкость здешних дорог, это все равно будет не очень долго, – предполагал Герман.

– Ну, в нынешние времена, если ты заметил, внешний лоск сего сердца капитализма несколько поувял. Так что дорожка будет не совсем короткой.

– Успокоили, Епифаныч. Ладно, побег изучать матчасть, а то еще чего доброго нажму с недосыпа не ту кнопочную комбинацию и сделаю кратер не с той стороны горы.

14. Мозговой протез

Уверенно утверждать, что к 2030 году человеческая цивилизация зашла в окончательный тупик вполне получается. Однако для точности следует все-таки сказать, что в некоторых областях цивилизация людей все же достигла невероятных вершин развития. Другой вопрос, помогало ли это будущему выживанию и всему с ним связанному? Скорее всего, нет. Но то, что оно явно противоречило общей деструкции, ясно однозначно.

Объект «Прыщ» был одним из таких курьезов. И между прочим, как всякий курьез, он появился на свет не благодаря долгосрочному целевому планированию, а во многом в силу случайности. «Ничего себе случайность, весом в сто четырнадцать миллиардов долларов!» – скажут некоторые из тех, кто имеет возможность заглядывать в «амбарные» книги Пентагона. "Не смешите, – ответят на сие более умудренные опытом скептики. – За какой срок вы считаете? За четверть века? Но ведь за это время программы коренным образом менялись. То есть достигнутое и недоделанное когда-то развинчивалось, причем не только в переносном, но даже в прямом смысле, преобразовывалось в нечто другое, а затем снова размонтировалось и обращалось в третье. Сей труд переплюнет Сизифа, ибо тот бедняга катает свою ношу по крайней мере на одну и ту же гору, а здесь творцов проекта гоняли с одной вершины на другую и буквально нигде не дали времени совершить нормальное восхождение. Так что таким макаром, – выражаясь в соответствии с американо-русским карманным разговорником, – можно было растринькать не только сто с чем-то миллиардов, а и триллион, если бы его дали, разумеется.

Ибо действительно, поначалу супер-ЭВМ «Прыщ» – который, естественно, тогда так не назывался – планировалось разрабатывать для размещения несколько дальше, чем сейчас. «Несколько дальше» – это утрирующее и явно маскирующее правду выражение, ибо, по большому счету, первоначально суперкомп собирались отправить на ближайшее к Земле-маме космическое тело, видимое без телескопов. То есть, понятно даже для прогулявших курс школьной астрономии, на Луну. Информация достаточно секретна, однако актуальность момента давно потеряна, так что оглашению она вполне подлежит. Естественно, тогда мегакомпьютер собирались использовать для системы СОИ. Предполагалось, и не без оснований, что поскольку реакция человека, особенно настоящего политика денно и нощно занятого заботой о налогоплательщиках, достаточно медленна, то управление отражением внезапного ракетного удара следует перепоручить специально обученной быстродействующей машине. Однако понятно, что первым объектом нападения, то есть, так сказать, преднападения перед самым нападением, будет, конечно, эта самая, замещающая министров ЭВМ. Так вот, неплохо бы ее разместить несколько не в зоне поражения противника. Чем в этом плане хороша Луна? (Кстати, эту тему довольно серьезно массировали в специальной комиссии конгресса.)

Она неплоха тем, что находится в трех сутках лету в стороне от места будущих боев. То есть попытка нападения на Машину естественным образом и более чем заблаговременно выдает намерения агрессора. В то же время запускающий всю машинерию отражения атаки сигнал придет к месту действия всего-то на три секунды позже, чем если бы электронный стратег помещался тут же, на Земле, или на ближней орбите. Кроме того, Луна удобна тем, что все время повернута к нам одной и той же стороной. Неважно, ночь на самом естественном спутнике или день, в фокусе размещенных там антенн всегда будет находиться планета, которую электронный сторож обязан неусыпно защищать. Правда, никто еще не пробовал передоверять ведение войны некому столь удаленному от места событий объекту. Имелись некоторые возражения. Например, что, если по этой автоматизированной станции-стражнику хитромудрые вражины применят нечто более быстрое, чем ракетная доставка боего-

ловки? Например, мощный лазер? Естественно, в ближайшие десятилетия лазеров с мощностью достаточной для обстрела Луны в реальности не ожидалось, но все же? В конце концов, лазер – это условность. Может, это будет нечто другое, какой-нибудь мазер или еще что-то хитрое. Главное, само событие.

Хуже того. Что, если это будет вообще не нападение, а трагическая случайность. Допустим, падение метеорита? Конечно, по взглядам неких спецов NASA, метеорит притягивается к Луне с гораздо меньшей силой, чем к Земле. Однако, по взглядам других спецов этого же ведомства, на Луне однозначно нет атмосферы, а потому там нет и такого понятия, как метеор. Ибо метеор – есть то, что полностью сгорает или обращается в газ и пыль еще до достижения поверхности. То есть там все падающее относится только к метеоритам. Скорость столкновения с поверхностью может достигать пятидесяти километров в секунду. При таких значениях взрывчатка абсолютно не требуется. Как можно будет разобраться, что случилось с лунным стратегом отсюда, из Пентагона? Навестись туда телескопом? Но даже разрешающая способность лучших из существующих не дает рассмотреть на Луне что-то меньшее, чем пятьдесят метров в поперечнике. Вся снаряженная «мозгом» станция не займет на фото цельный пиксель.

Может, срочным образом достать из реанимации программу «Аполло»? Но даже если бы астронавты уже сидели в направленной в зенит капсуле, то и тогда на дорогу к цели им бы потребовалось даже несколько больше, чем безлюдной ракете. Ведь людишки, даже тренированные, достаточно хлипко устроены, им не выдержать настоящий ракетный разгон. Да и садиться на Луну боеголовка будет быстрее, ей не потребуются никакие стыковки-расстыковки и барокамеры-переходники. Тогда не стоит ли посадить людей на Луне заблаговременно? Извините, а зачем тогда затевался весь сыр-бор? Ведь вся задача состояла в отлучении от дел медлительно соображающее существо – человека, так? А вы предлагаете, снова сделать то же самое, только теперь этот человек еще и будет находиться в абсолютно непривычных для себя условиях. Неужели дополнительные стрессы и дискомфорт идут ему на пользу?

– Тогда, может, стоит просто сделать автоматическую базу бронированной? К примеру, существует активное бронирование.

– Не смешите. Никакое активное бронирование не поможет от кирпича, летящего со скоростью пятьдесят км в секунду. Кроме того, неизвестно, как оно действует в условиях понижения температуры до минус ста восьмидесяти или же, наоборот, при нагреве до ста десяти «плюс». Мама моя, да оно может вообще там сработать за просто так. Потом снова будем думать, что там, собственно, стряслось? Может, до нашей ЭВМ добралась китайская группа «юйчжоу хансиньюани»? А если без активной, то извините какой толщины должен быть слой стали в колпаке? Метров пятнадцать? Тогда уж легче послать туда танк «Абрамс».

– А кстати, чем не решение? Пусть станция будет на чем-нибудь подвижном. Тогда уж по ней точно трудней будет навестись не только ракетой, но даже лазером.

– Ну, вы совсем съехали. Мало того, что этот самый танк надо на чем-то туда доставить, так ведь еще им придется управлять отсюда, из Пентагона, или еще того хуже, передоверить его управление самому себе. Но перво-наперво, что, если он в процессе путешествия бултыхнется в какой-нибудь кратер и ляжет там вверх тормашками, развернув антенны к центру Луны? Опять посылать спасательную бригаду с тягачом? Да и вообще, какой смысл ездить туда-сюда. От метеоров это не только не спасет, а по теории вероятности, наоборот, увеличит шансы в пропорции к площади посещаемого района. Вы вот в дождик на велосипеде не катались? Нет? Ну так вот, если бы вы стояли на месте, то были бы чуть менее мокрым, чем в движении. Да-да, математика – наука тонкая, она иногда проверяется жизнью.

– Ну тогда...

– В общем, никаких «тогда». Не суетитесь за зря. Правительство, все едино, не собирается финансировать данную тему. Давай, давай, Сизиф. Прочь с этого Эвереста. Попробуй другой.

15. Примерка брони

– Дистанционный радиовзрыватель к нашему делу не годится, – растолковывает очевидность преподаватель, специалист по «бомбочкам». – Мало того что ваш сигнал не попадет с поверхности земли в туннели, так ведь еще вполне может быть применено радиоподавление. Тогда, даже если использовать цепочку из ретрансляторов, то все равно ничего не получится. Не будете же вы тянуть с собой добрый километр световода?

– Тем паче что его наверняка обрежут, – язвит Феликс Кошкарев. – Станут они ждать, пока мы подальше отойдем.

– Само собой разумеется, курсант, – кивает мало похожий на русского из-за акцента, но все же русский преподаватель. Наверное, он очень долго прожил здесь, в Америке, успел «слиться с пейзажем». По ходу его американизированной русской речи, невольно закрадывается мысль, что все диверсии в метрополии, а так же состав привлекаемых сил, спланированы минимум десятилетие назад.

– И потому самый надежный метод простой часовой механизм. И между прочим, механический, ибо всяческая электроника, опять же, может быть задавлена. Естественно, механика не дает нам микросекундной точности, но ведь это и не надо. После выставления времени, вашей задачей останется только что?

– Делать ноги, – подсказывает аудитория.

– Верно, и как можно быстрее. Ибо, понятно, недопустимо оставлять запас времени к примеру в час или даже в полчаса. Враг слишком умен, и ему нельзя предоставить такое время на расслабуху. По поводу пользования, сейчас все по очереди попробуют. Я не думаю, что здесь имеются люди не умеющие выставить будильник. Однако, может, кто-то в силу научно-технической избалованности никогда не видел механических часов. Так что я поясню. Тут внутри шестеренки, они вот так хитро цепляются зубчиками, а раскручивает их взведенная пружина.

В аудитории – смешки. Преподаватель поднимает голову и тоже улыбается.

– Пожалуй я перегнул с элементарщиной. Но знаете, ребятки, я тут а Штатах уже не первый год, и, кстати, на преподавательской работе. Порой местному контингенту приходится растолковывать и не такие вещи. Так что... В общем, давайте с левого края по одному к стенду, а остальные покуда задавайте вопросы. Может, у кого-то все-таки имеются.

– У меня вопрос общего порядка, – тянет руку, как школьник, тот же Кошкарев. – Я так понимаю, мы будем использовать заряды, добытые недавно в одном интересном месте, так? И вот мне любопытно, а что, у матушки-России уже совсем не осталось ничего своего?

– Вопрос интересный, хотя, наверное, и элементарный. Но тут есть два ответа, и, возможно, хоть об одном вы не ведаете или забыли. Первое. Как известно, каждая атомная боеголовка имеет свои родовые метки, так сказать, почерк. Их можно определить по типу материала – до, и даже по составу изотопов – после взрыва. И узнать практически все. То есть месторождение, с которого добыт уран – если использован уран, естественно, завод-изготовитель и так далее. Значит, используя американскую же боеголовку против Америки, мы самым естественным образом маскируем следы. Это понятно?

– Теперь второе. Противно копаться в пропитанной предательством истории России девяностых годов – я, честное слово, когда читаю о тех временах, испытываю гадливость – но куда денешься. Так вот среди множества прокрученных в ту пору афер была одна, касающаяся урана. У России, наследницы СССР, осталось тогда пятьсот тонн 235-го – самый большой в мире запас. Цену его можно, конечно, прикинуть в валюте или в золоте, но реально цены этот запас не имеет. Никто никогда не подсчитает, сколько людей положили свои жизни на его добычу и производство. Кто непосредственно на рудниках, кто в лабораториях, кто

просто подорвал здоровье в геологоразведке, а кто вообще попросту умер в младенчестве из-за элементарной нищеты, ибо страна на создание ядерного щита отдавала почти все что имела. Так вот, пришедшие к власти предатели-компрадоры продали весь запас США за смехотворно малую сумму. Да и ту, скорее всего, раскрали.

– Ну а повторить подвиг Советского Союза, наверное, никому не дано, тем более расколотой России. И значит, по большому счету, лишних ядерных боеголовок у Московии действительно нет, их просто не из чего делать. Кстати, вполне возможно, то, что вы недавно добыли и будете использовать, сделано из того русского урана. А я думаю, конфискация украденного или там скупленного по дешевке у воров, является делом благородным. Вы так не считаете?

В небольшом помещении аплодисменты: этот преподаватель умеет находить контакт с аудиторией.

16. Паровозная топка времени. Голубые экраны

Однако в некоторых кругах казнь врага народа может трактоваться как садистское убийство. И ведь действительно, это уже не погром в телевизионной лавке, и даже не налет на контору кабельного TV. Здесь замешиваются относительно знаменитые личности, к тому же входящие в сонм избранных, везунчиков мира сего. Как можно оставить без внимания такое событие? К тому же казненный причислен к числу менеджеров, воздействующих на сознание миллионов потребителей. А главное, он свой, «буржуинский» – из королевства TV. Но поскольку его казнь явно осуществлена для устрашения (те, кто изо дня в день заняты созданием зрелищ, видят сие без подсказки), то нужно успокоить остальных работников отрасли. Оградить их от смутьянов, покусившихся на святое. Сама безопасность мира держится на бесперебойном излучении TV-ящиков, только под их многоканальной стрельбой, дырявящей мозг четверть суток кряду, ленивые кролики умиротворяются на полупустой желудок и дремлют в покое. Прекращение жесткого сериального излучения тут же ведет к повышению нервозности, роптанию и массовым агрессивным выходкам против властей. И значит, с еретиками, посмеявшимися покуситься на святая святых, разборка будет жесткая, в максимальной степени. А потому...

Некоторым замешанным, на чей след уже вышли, следует срочно испариться. Но у движения нет правила «отрубать хвосты, уничтожая своих». Следовательно, им надо просто исчезнуть, скрыться вне пределов компетенции TV-империи. И значит...

– Да, образование у вас однако... мягонько говоря, желалось бы чего-то получше. Ладно, еще молоды, вдруг жизнь чему-то научит. А не научит... Ну, в тех местах, те, кто обучается с недостаточной бойкостью, выходят из игры очень быстро. Как вы насчет Южной Африки? Слыхивали о таком фрукте? В плане, части материка? Вы вообще о материках-то ведаете? Ладно, проехали.

– С оружием, рассказывают, вы обращаться чуток умеете. Жаль, сейчас некогда проверить. Вот с языком у вас явные проблемы. И опять же, нет времени ни для курсов, ни для чего-то вроде. Ладно, учитывая массовость отправляемой нынче партии, может, проскочите как-нибудь. Хотя, конечно, будут мне нарекания от коллег. Но, в конце-то концов, не на должность же офицера вы отправляетесь, так?

– Естественно, вы понимаете, что вначале, в связи с вышесказанным, вам грозит самая неквалифицированная, грязная работа. И денежное довольствие тоже по низшему разряду. Но уж лучше так, чем нары, правильно?

– Как, вы ничего не поняли? А ваши шефы так забегались, что не успели растолковать? Так вот, вы сегодня же отправляетесь в Африку. Добровольцем-наемником, а кем же еще? Поняли? Ну и слава богу. А прививочки вам сделают перед самым рейсом.

17. Примерка брони

– Это фуллерен, – говорит кто-то умный, и даже, наверное, всезнающий. – Одно из состояний углерода. Точнее, это один из высших фуллеренов. Для нас ценно, что его молекула образует замкнутую структуру. Если ее разогнать до первой космической скорости и бросить в эту стену – этой молекуле хоть бы хны, отскочит, как мяч, и все дела.

И тут же на большом экране красиво воспроизводится мультяшка – демонстрация сказанного.

– А вот это фуллерит, – продолжает лектор. – Материал на основе фуллерена. Однако тут у нас не обычный фуллерит, а нечто принципиально новое. Обычный фуллерит – это достаточно нестойкая структура. Она слоится, мажется. Из нее удобно производить краски, грифели. А тут... С чем бы сравнить для удобства пояснения? Можно с полупроводником. Полупроводник обладает свойством...

Герман слушает теорию и вспоминает недавнюю «лекцию» Епифаныча с приложением лабораторного эксперимента в виде стрельбы на поражение. Все-таки эмоции куда более доходчивое дело, чем парта. Даже компьютер переплывавают. К тому же в учебном помещении всегда имеются отвлекающие факторы. Вот сейчас, за задним столом Феликс Кошкарёв намеренно громко – может, для того чтобы расслышал непосредственный начальник, – шепчется с Ярославом Володиным:

– Знаешь, что хорошо бы сделать из такого материала?

– Ну? – Собеседник явно в ожидании очередной хохмы.

– Ухо нашему лейтенанту. Вместо того, оторванного в Панаме. Представь, «амер» бы его оторвал, бросил, а оно в ответ, как отскочит с первой космической скоростью.

Никто не смеется. Ну что ж, юмор не всегда бывает слишком удачным. Оно и к лучшему – меньший отвлекающий фон. А приезжий «учитель химии» продолжает что-то пояснять о миллионнослойной материи, именуемой для простоты «тысячеслойкой».

Отряд «Пульсар» осваивает теорию. После путешествия по Центральной Америке это можно считать отдыхом.

18. Мозговой протез

Что дальше? Дальше, естественно, отказываемся от Луны и зарываем мозги в землю. Ну да, в буквальном смысле. Есть, например, в Скалистых горах такая вершина – Корпуленк. Вот и вроем в ее нутро эту самую ЭВМ управления оружием. А то действительно, придумали – Луну. Может, три лишние секунды и мелочь для общей инициации противоракетного оружия, но явно много для конкретного управления процессами индивидуального наведения и прочим. То есть получается, там, на Селене, будет развернута машина, единственное дело которой, запустить всю катавасию перехвата, и на том – все! Но ведь основное дело только после этого и начнется. Сюда, на метрополию Свободного Мира, пойдет вал боеголовок и еще больший, просто-таки, девятый вал ложных целей. Необходимо будет селективировать зерна от плевел, дабы не тратить не по делу небесконечный боезапас. Да все это еще и с бешеной скоростью. Вот где действительно потребуется предельная скорость вычислений. Ну а наша ЭВМ? Она окажется черти где от места действий – на Луне! И это значит, что все равно придется строить еще одну, уже здесь. Так зачем же тогда эти астрономические расходы с привлечением космоса и с переживанием за вредность воздействия на электронные мозги неослабленной атмосферой солнечной радиации? Действительно, полный бред! Ну-ка выгоните за дверь этих ребятишек и NASA. Ишь ты, решили за счет развития кибернетики подтянуть свой и без того нехилый бюджет.

Итак, значит, привлекаем геологов и трудяг-горняков. Роем туннели и все такое. Кстати, действительно, зачем было забираться на Луну, если можно остаться тут же, на Земле-маме. Правда, здесь наблюдается некое противоречие. Получается, самая главная система управления СОИ не уверена в ее эффективности. Ведь она вкапывается вглубь на целый километр. Зачем же тогда весь космический, противоракетный лес городить, если даже сюда в окрестности вершины ожидается падение десяти и более мегатонн? Однако постойте, постойте! Мы тут несколько запутались. Вспомните, для чего мы собирались тащить на Луну танки? Ага, правильно. Ну так вот, именно для того, чтобы враг не надеялся единичным ударом любой мощности вывести из строя наш супер-пупер-компьютер, мы и зарываем его в скальную породу. Теперь он спокойно преспокойно ждет, когда его наконец-то задействуют. Что? Зачем атомный реактор? А что в нем страшного для экологии Скалистых гор? Он так же, как и компьютер, зарыт на километр. Даже еще глубже, ибо он пятью этажами ниже вычислительного центра. Значит, даже если он рванет, так и то, никак не повлияет на популяцию местных птичек, а тем более людей. Его же присыплет миллиардом тонн породы. Какие проблемы для экологии?

И разумеется, этот реактор подсоединен к нашему чудо-компу не просто так. Он будет снабжать его энергией не только после атомного мора, но, представьте, даже до! То есть налицо мудропродуманная экономическая сообразность. Не надо тянуть сюда проводочки от электростанции. Кстати, сие имеет отношение к секретности. И к надежности. А то, понимаешь, какие-нибудь балованные мальчишки запустят воздушного змея поблизости да и замкнут фазы между собой. Что же нам тогда, срочно красный телефон с президентом тискать и орать в трубку: «Господин президент, если вам нетрудно, попросите, пожалуйста, китайцев (или там, индусов) покуда на нас не нападать. Мы срочно тянем дополнительную жилу». А если это будут не балованные Мальчиши-Плохиши, а настоящие Кибальчиши «оттуда»? Тогда как?

К тому же мощностей местных гидростанций может просто не хватить. Чем быстрее работает компьютер, тем, оказывается, больше он кушает энергии. А ведь уже и сейчас он ест ее немало, что будет, когда его окончательно доведут до ума? Так что так и так пришлось бы строить какую-нибудь электростанцию. Лишняя головная боль с утихомириванием всяческих Гринписов. А так раз – подвезли на тягаче, затащили внутрь горы. И вот, можно

даже само внедрение в породу питать дармовой энергией. Ну а когда докопаем, тогда уже и суперразум.

19. Закалка брони

Стандартная, тысячу раз обсосанная фильмами ситуация, так и тянутся шлейфом режиссерские слюни. Однако имеет место быть в действительности. Так что уймитесь, и волю в кулак. Но полную индифферентность на лице тоже не стоит. Вы ведь должны действительно волноваться. Вы ведь беженец. Точнее, изображаете беженца. Но изображать, разумеется, нужно реалистично. Дабы сделать полное слияние с бесконечной очередью толпы. Конечно, толпа здесь особого вида – специфическая, воплощение американской мечты, вся на автомобилях, автобусах и прочем. Правда, старожилы расскажут: «Это вам еще что? Вот раньше, годков пятнадцать или более назад, вот тогда...» В общем, во времена избытка и дешевизны бензина. Тогда и без эвакуации, все дороги были запружены – яблоку негде упасть. И что? И верим, особенно глядя на ширину проезжей части и количество полос движение. Естественно, в сегодняшнем случае только в одну сторону. Все двенадцать забиты как есть. Хотя там и тут плакаты, что, мол, две крайних резервированы для армии. Ага, так вас и послушали! «Армия нас не защитила? Нет, не защитила, – поясняют водители друг другу в период долгого стояния впритык. – И вообще, зачем ей дорога, если воевать она совершенно не хочет».

Тут вы, ребяташки, несколько не правы, если бы не собиралась шевелиться, нам бы сейчас ненужно было кое-куда спешить. Сидели, а еще лучше, лежали бы с Лизой на диване и были б заняты и телом, и душой. Однако в том-то и дело, что US Army начинает шевеление. Ладно, это другая, секретная песня, и не стоит над ней размышлять. Аппарат чтения мыслей, слава протестантскому и прочим родственным богам, буржуазная наука еще не изобрела, хотя и очень жаждет, но все же лучше воздержаться. Чрезмерная сосредоточенность взгляда, может навести стража порядка на размышление о терроризме, и тогда, развитие киношной ситуации вдаль: «Всем выйти из машины! Плановый досмотр! Руки за голову! Ноги в стороны!» А тут и вопросы, и не только к водителю, у которого если и есть акцент, то специфического, местного происхождения. А у остальных... И вот тогда то, что особо нравится работникам основного и глобальнейшего вида искусства. Стрельба на поражение и прочая романтика. И если уж в реальной жизни...

Тогда, что же ожидать от режиссеров? Открытия каких-то неведомых в быту ситуаций? Это слишком большие, необоснованные надежды. Посему там, в продукции Голливуда детективной направленности, тоже проверки паспортов, но только не вся утомительность многочасовой службы контрольно-пропускного пункта, не растянутость многодневной череды суточных смен. Там конкретно сконцентрированное действие, кое имеет место проявляться в обыденности время от времени. Ибо если бы оно никогда не реализовывалось, то зачем же тогда сами КПП? Понятно, рано или поздно кто-то пытается прорваться незаконно. Еще реже сие осуществляется с применением оружия. Вот голливудские мастера и выдергивают из большой кучи скуки таковые изумруды. Но то в кино! А вот нам здесь, сейчас, ой как не хочется таких бриллиантовых находок. Да, наверное, и полицейскому тоже не очень хочется. Ибо, конечно, у них тут и бьющие резиновыми пулями пулеметы, способные запросто рассеять толпу любой плотности, и выстреливаемые сети, могущие спеленать автомобиль мощностью в триста лошадиных сил, однако покуда эта амуниция приведет в действие, ему, этому конкретному постовому, будет уже совершенно все равно. Скучна служба и жизнь кппшника, и к тому же обе могут оборваться так внезапно. Сплошная экономия пенсионному фонду США, если, конечно, нет грудных младенцев.

И нам, кстати, ой как не хочется плодить на ныне не слишком счастливой земле Северной Америки совершенно неплановых сирот. Конечно, произойди сейчас голливудский клип, эти неплановые вполне надежно прикроют тех плановых, что значатся впереди. Ибо

никак не получится штурмовать гору Корпуленк отсюда, не добравшись до исходной позиции более ста километров. Да и вообще сейчас без снаряжения и экзоскелетов бой, проведенный у этого КПП, может, и будет страшно решительный, но, к сожалению, весьма недолгий. Зато с массой покалеченного гражданского населения. Одно утешает, никак здесь не смогут положить весь отряд «Пульсар», ибо пробирается он к месту концентрации отдельными небольшими частями. Но естественно захват хотя бы кого-то – это почти верный срыв всей операции. Мало того что в отряде не хватит бойцов – как раз потеря двух-трех непринципиальна, ибо все равно планируем биться с силами загодя превосходящими количественно – но допрос с пристрастием пленных ведет к усилению обороны подземного объекта.

А потому не будем думать о грустном. Будем смотреть в боковое стекло, на соседей с параллельных полос движения. Интересно, насколько миль растянулась очередь? На пять, на десять? Полицейским явно не стоит чрезмерно придирааться – время не в их пользу. Если автопробка растянется еще вдвое, дело может выйти из под контроля. Люди напуганы, там, позади, идет настоящая гражданская война. Какое им дело до выполнения разработанных на скорую руку инструкций? Они спасают жизнь. Если смерть, в реальности или в мозгу, что в данном случае однозначно, движется попятая, это жиденькое КПП с резиново-пулевым пулеметиком может просто-напросто не устоять. Впавшая в панику машинная пена или, того хуже, бросившее застрявшие лимузины пешеходное наводнение пойдет напропалую.

Так что мысли у нас, как и положено, тревожные. Мы в них почти полностью погружены. Только краем глаза косим в берущего стопочку электронных паспортов полицейского сержанта. Он сверяет фотографии с оригиналами. Тут ничего страшного, документы сделаны только вчера, но сработаны на совесть. Но вот сейчас у полицейского будет неувязочка, придет его очередь нервничать. Мы знаем это наперед, ибо вектор будущего сейчас задается нами, точнее, нашими умными-преумными шефами. Вот оно – началось...

Полицейский вставляет первую карточку в карманный комп-опознаватель. Лицо у него вытягивается. Он, естественно, не додумается спросить нас, в чем, собственно, дело? Конечно, мы не ответим, но зато мы знаем ответ на великий вопрос: «Почему?». И конечно, на долю секунды сержант настораживается, механически опускает руку к пистолету. Да и второй, страхующий напарника рядовой, не понимая, что к чему, тоже напрягается, сильнее сжимает толстоствольный пистолет-пулемет. Естественно, если бы дело оказалось только в компе этого полицейского, то нашу старенькую, совсем не патриотическую «Тайоту» можно было бы отогнать на обочину и разобраться, что к чему. Однако если между делом, с усталым зевком, глянуть по сторонам, то видно – на других линиях движения у полицейских тоже проблемы. Кто-то, в сердцах, уже колотит своей техникой по коленке; будто по старинному русскому телевизору – вдруг изображение вернется. Однако кто из здешних кппшников ведает, что против их техники сработала обговоренная загодя вирусная помеха? И даже не против их маленьких, прочных – об колено все-таки не разбить – компов. Против центральной электронной базы данных полиции всего штата Колорадо.

Ну вообще-то для визуального наблюдателя мы не в курсе, нам-то что? Мы простые, ничего не понимающие в происходящем беженцы. Однако попробуйте в век компьютеров, но без базы данных, проверить, существуют ли на свете люди с указанными в электронном паспорте фамилиями, именами и лицами, не умерли ли они уже давным-давно, или, может, еще и не родились? Но мы ничего не понимаем, ждем. А полицейский сержант кивает напарнику, «тщательнее тут, пожалуйста»; сам следует к будке-фургону. Мало ли что тут с ручной техникой, там внутри нечто гораздо более функциональное. Однако он там даже не второй. Кое-кто оказался проворнее.

Потом долгая пятиминутная пауза. А ведь где-то там, за десяток миль позади, хвост машин удлинился на километр. Но нам-то что, мы туристы. Листаем журнальчики, дремлем, у нас не тот акцент, дабы возмущаться как некоторые. Кое-кто нервно курит. Сзади нараста-

ющий двенадцатирядный ропот. Так, вот пошли первые исключения. Ну, чего действительно держать эту дамочку с детишками – пусть едет; на вид к паспортам претензий нет. Вот пропустили еще кого-то. Полицейские забегали туда-сюда. Наверное, пытаются наладить связь с базой данных какими-нибудь другими способами. Ладно, нам-то что, пусть пробуют, такая уж у них работа. А может, кто-то оттуда уже сообщил, что дело дрянь и наверное надолго? Но что с того? Пропускной конвейер не может остановиться, с каждой минутой хвост машин с юга нарастает. Конечно, кто мешает отконвоировать нашу «Тайоту» в сторонку, хоть на полдня. Но что тогда делать с автобусами или грузовиками? В «Тайоте» всего-то четыре не очень-то и подозрительные личности, а что в грузовом транспорте? Короче...

А? Что? Уже можно? Ой, а мы тут и задремать успели. Да-да, понимаем, надо быстрее освобождать место для следующих. Сейчас, сейчас будет все о-кей! Большое спасибо за паспорта.

Конечно, господа полицейские, сейчас вы планируете проверить их внесенные в память компа номера потом, после. Вряд ли в текущей суматохе у вас будет на это время. Разве что когда-нибудь, по приказанию сверху, когда за дело возьмется Федеральное Бюро или еще кто-то серьезный. Может быть, потом, обнаружится кое-какая взаимосвязь. Ладно, так далеко в будущее планировать не стоит, слишком оно туманно.

Да-да, господин сержант, мы уже мчимся. Гудбай!

20. Средний уровень. Воздух

На первый взгляд это была летающая этажерка. Возвращение куда-то назад на машине времени. Или даже в некую параллельную реальность, в коей реализовались наяву всяческие жульверно-уэллсовские аппараты тяжелее воздуха, стиснутые каретно-дилижансовой обыденностью девятнадцатого века. Именно на такую мысль наводила визуальная хрупкость планера, немыслимая длина крыльев, а главное – целая шеренга пропеллеров. Их было так много, что посчитать с первого раза точно никогда не удавалось. Скорость, кстати, тоже не выскакивала за каретно-паровозные допуски, так что в случае реального переноса этого аппарата в прошлое он бы воспринялся тамошней публикой вполне доброжелательно. Отправка его в полет сопровождалась бы приподниманием цилиндров и помахиванием платочками, и может даже, скупой слезой умиления перед прогрессом. Однако этот стиль ретро ограничивался исключительно внешними формами, да и то не из-за поклона упокоенным предкам, а просто из-за того, что свойства атмосферы Земли нисколько не изменились с того времени. Разве что в ней несколько увеличился процентный состав углекислого газа, но так это не влияло на упругость воздуха и земную гравитацию.

Вообще-то если бы тем, живущим в другом измерении усатым дядюшкам в цилиндрах, объяснили бы, что планер и прочие характеристики данного летательного аппарата рассчитаны с помощью оптико-электронно-вычислительных машин, они бы при всем напряжении извилин все едино не представили бы ничего отличного от арифмометра, разве что прибавили бы ему рычажков и раздули в размерах приблизительно до двухтумбового письменного стола. Если бы им поведали, что данная машина, с тридцатиметровым размахом крыла, не тратит в своем полете ни грамма топлива, они бы скривили недоверчивую ухмылку, ибо их просвещенный книгами ум уже ведал о законе сохранения энергии. И, кстати, тут они были бы совершенно правы, ибо пусть эта чудо машина и не сосала мазут или истертый в пыль уголь, она все-таки не имела внутри *Perpetuum mobile*. Видимо, уважая преемственность науки, она работала от электричества. Уж почти наверняка, обладающие манерами, но по сути достаточно прямодушные предки, плюнули бы в презрение, если бы им поведали чушь, о том, что данная конструкция способна плавать по небу не десять-пятнадцать минут, и даже не час-два, и уж совсем невероятно – сутки-трое, а практически вечно. Возможно, снабженные цилиндрами головы расширили бы зрачки до размеров медной копейки, если бы им раскрыли простую тайну этой вечности, о том, что цель создания больших крыльев двояка. Кроме понятной всем опоры на воздух, эти части корпуса еще и выполняют работу по накоплению энергии. Брала она ее от Солнца. Естественно, когда оно заходило, машина не заваливалась в штопор. Просто шеренга пропеллеров начинала вращаться от аккумуляторов.

Конечно, после таких признаний, все еще использующие производящее навозные отходы четвероногое, господа в цилиндрах частично бы потеряли способность к удивлению, однако они наверняка бы подпрыгнули на обшитом телячьей кожей сиденье, если бы им прошептали самое главное. Этот чудо-планер, с двадцатью винтовыми парами не был приспособлен для полетов с человеком. Более того, он управлялся не каким-нибудь так сяк представимым радиобеспроводным способом, а вполне самостоятельно, то есть там, в этом сравнительно небольшом фюзеляже имелся собственный электрический пилот. Но теперь уныло вперившихся в спину извозчику предков ждало еще несколько откровений. Допустимо, что после таковых глаза слушателей выпучились бы из орбит, а по булыжной мостовой звякнули выпадающие монокли или даже громко тикающие, заводящиеся пружинным способом и запирающиеся серебряной крышечкой, часы. Ибо действительно для представления назначения и возможностей данного летающего чуда требовалось произвести в голове

несколько научно-технических революций. Ладно, оставим в покое позапрошое столетие, попробуем ввариться в технологию сами.

Итак, сорокапропеллерный планер парил где-то в смычке тропосферы со стратосферой. При случае он мог забраться выше или же, наоборот, медленно переместиться вниз. Да, хотя он отличался грациозностью, но действительно не обладал маневренностью и быстротой истребителя. Это был не его конек. И конечно, такие монстры военной направленности могли появиться только в убежденности окончательно-бесповоротного воздушного превосходства перед любым противником. По этому случаю, большущий планер почти совершенно не интересовался предметами, парящими в воздухе, – он наблюдал за землей. Правда, и здесь имелись ограничения. Хотя название этого воздушного корабля пришло из совсем отдаленных эпох, не имеющих отношения даже к цилиндрам и каретам, ибо именовался он «Архангел», тем не менее по настоящему всевидящим оком он не был. Например, если бы кто-то выдал обыденно-привычную сентенцию о том, что теперь к горе Корпуленк не сможет пробраться и мышь – это было бы явным преувеличением. Со своего возвышения над местностью, даже обладая длиннофокусной камерой с базой в полтора метра, чудо-машина все равно бы не сумела рассмотреть и даже различить небольшого грызуна. Тем не менее сказать, что она уступала в зоркости какому-нибудь орлу, было бы обидным и незаслуженным нареканием. Ведь как не верти, но всяческие грифы и сапсаны не способны подняться на двенадцатикилометровую высоту.

Тем не менее в данный момент охота за мышами все-таки не предусматривалась. Для некоторых людей вопрос состоял в том, насколько четко эта самая летающая этажерка «Архангел» способна рассмотреть перемещающихся среди деревьев представителей «Пульсара».

21. Закалка брони

Если бы кто рассказал, может, и не поверил бы. Мы в геометрическом центре самой передовой страны мира, и что же? Где урбанизация, заводы-гиганты и взмывающие ввысь небоскрежные обелиски? Вокруг пустыня, то есть не пустыня, конечно, а девственные леса. Что еще невероятнее. Естественно, с джунглями Африки или даже Панамы не сравнить. Но все-таки ощущение заповедника не проходит. И, может быть, оно, кстати, и настораживает. Ведь в любом заповеднике ты можешь совершенно внезапно, нос к носу столкнуться с лесником. А кто знает загодя, какие у него повадки и пристрастия? Но деревья очень даже к месту. Они подстраховывают нас сверху, накрывают пологом листвы. Это очень кстати, несмотря на то что «панцири» включены в режим мимикрии. Так что бредем, переливаясь переменными цветами, вроде как листва. Если смотреть на идущего впереди товарища внимательно, без защитного стекла, что вообще-то не рекомендуется, то возникает нечто вроде легкого головокружения – мозг никак не может нащупать нужную перспективу. Рассказывают, что когда в двадцатом веке американцы посылали первых астронавтов на Луну, некоторые психологи серьезно опасались, что, прилунившись, они не смогут понять, что именно наблюдают перед собой. Так вот, сейчас наш «костюмчик» реализовал в себе то, что могло бы осуществиться на Луне.

Конечно, следуя технике безопасности, мы смотрим друг на друга только через «панцирное» забрало. Понятное дело, это не основная функция защитного снаряжения; так, десятистепенная. Однако для «лицезрения» всесия своей амуниции хоть иногда полезно глянуть и так и эдак. В смысле, невооруженным глазом, дабы убедиться в том, что экзоскелет на фоне растительности почти невидим. А через картинку, вырисовываемую лазером в зрачке, для осознания мощности компьютерной догадливости, коя без разума расплетает запутанный узор мельтешения теней-полутеней. Конечно, у компа есть превосходство перед впадающими в транс биомозгами, он ведь близнец-копия заведующего невидимостью, да и сам делает со своим «костюмчиком» аналогичную процедуру, так что осуществить обратное преобразование ему значительно легче. А более всего в безопасности убеждает то, что отряд доселе не атаковали ни с воздуха, ни с суши. Хотя черт знает, вдруг в деле особо продуманная ловушка? Однако предполагать тактику хитрого заманивания можно вообще-то на любом этапе операции. Например, вот сейчас они не трогают, предполагая сделать это, когда доберемся до горы. Теперь не трогают, потому что ждут, покуда заберемся внутрь тоннеля – там уж точно никуда не денемся. А уж там не применяют всю мощь, для того чтобы в деле познать, для чего все задумано. И уж тогда-то прихлопнут наверняка.

Ладно, это все экстраполяция и прикидки рассеянного от безделья разума. Но сейчас по схеме будет первая оборонительная линия подземного электронного штаба «Прыщ». Нет, эта линия находится здесь, на земле. И наплечное оборудование вот-вот начнет фиксировать его работу. Как рассказывал Епифаныч, за последнюю неделю люди Центра несколько раз проверили эту линию на дееспособность. Правда, не в этом месте, далеко в стороне: обороняемая территория «Прыща» достаточно велика, есть где развернуться, не демаскируя будущих планов. Естественно, товарищи по организации не собирались устраивать тут настоящий бой. Это была тайная, замаскированная акция с привлечением десятка ничего не подозревающих обывателей. В теперешнее, сложное время, оказывается, очень легко найти отчаявшихся людей для всякий авантюрных мероприятий. Нет, никто не ставил на кон их жизни, хотя Герман ничуть не сомневался, что никто бы в Новом Центре бровью не повел, если бы для дела следовало списать в утиль десяток-другой простых американцев. Ну что ж, тут происходила война, и никто конкретно не виновен, что эти люди родились и живут именно в такую годину. Наверное, некорректно использовать их как пушечное мясо, однако

и та и другая сторона вынуждена такое делать. Так что в общем-то они должны были радоваться – в последних случаях проверки «боевитости» «Прыща», их заставили испытать на себе не что-то воистину убийственное, а всего-то «несмертельный» оборонительный периметр.

Люди были естественно беженцами из южных штатов.

– Официально вам на север не пробраться, – сказал им «по большому секрету» подсланный Центром провокатор. Дороги перекрыты и там проводится фильтрация. Все, кто чуть под подозрением, отправляются в лагеря. Да-да специальные лагеря «воспитания». В действительности – «уничтожения». Вы думаете, весь этот сыр-бор затеян кем-то третьим? Не правительством наших родных Штатов? Держи карман шире. Они специально сделали смуту, чтобы прищучить цветных. Но заодно подчистят ряды и от некоторых белых. Вы про ракетный обстрел тюрем в Калифорнии слышали? Вот то-то! Нашего брата, даже тех, кто вроде бы отсидел, тоже хотят под шумок подсократить. Кто потом разберется, где и как вы погибли? У тебя сколько отсидки за плечами? О! Тогда тем паче. У меня совсем чуть, но я рисковать не буду. Так что по дорогам нельзя. Но зато можно пойти вот здесь, через лес. Горы? Ну и что, что горы. Мы же пойдем понизу, да и вообще, там нет ни одной выше четырех километров. В общем, как хотите, мне лучше подняться на Пик Коммунизма... Да, есть такая гора... Правильно, в Московии, на Кавказе... Так вот, мне лучше туда подняться и съехать вниз, чем в лагерь уничтожения в Дакоте... Точно-точно, один кореш его строил. Проговорился, там только электрических стульчиков около пятисот штук. А что, там рядом атомная станция. Куда ей сейчас девать мощу?

Наверное, именно так их и заманили. Правда, тут против них оказалось тоже кое-что электрическое, но слава богу, не смертельное, в отличие от придуманных стульчаков. Зато действующее с большой дистанции. Как убедились «проверяющие» – с километровой.

И вот теперь в этой зоне оказался отряд «Пульсар». Кстати, с точки зрения обороняющихся, все до жути честно. Вот предупреждающая надпись: «Стоять! Запретная зона! Разворачивайся назад!» Чуть ли не на каждом дереве.

Наверное, когда «проверяющие» достигли этого рубежа, провокатор от Центра сказал им на хорошем английском:

– Фигня все это, ребята. Разве у них хватит солдатиков перегородить все горы? Ни как не хватит.

А потом, когда им гаркнули с невероятной дальности, тоже самое что написано на деревьях, с добавкой: «Если не остановитесь, будет применено оружие!» Конечно, они опять не вняли предупреждению, точнее провокатор из Центра снова сказал им что-то типа:

– Да, не верьте вы. Пугают как детишек. Что же они в нас, ни с того ни с сего стрелять начнут? И кто стрелять-то будет? Громкоговоритель поганый?

А вокруг уже очищенная от деревьев полоса. По крайней мере, росших здесь более пяти лет назад. Вот такая же как сейчас. А вот и голосок: «Стоять! Запретная зона!» Постоим секундочку, как и они несколько дней назад. Пусть наша встроенная в «панцирь» аппаратура «пофильтрует» его тембр, диапазон и прочие параметры. Конечно, через многослойный шлем, подшлемник и наушники, напрямую окрик никто в отряде не слышит. Звук идет через преобразователь. И можно бы, если б не быть жителем двадцать первого века, удивиться дальноточности «громкоговорителя»: вообще-то специальной акустической антенны, всего-то метрового диаметра в максимуме, ибо свой диаметр она может менять. Вот сейчас, когда мы двинемся дальше, там, в километре или около того (компьютер уже ведает точно), этот «громкоговоритель» развернется во всю ширь и повторит окрик, солидно поднявшись по шкале децибел. Это будет второе и последнее предупреждение. Потом...

Вот тут давешние нарушители границ вначале присели от неожиданности, прикрыли уши ладонями, ибо именно по этим органам пришелся поначалу основной удар, а потом

понеслись отсюда назад, не разбирая дороги, спотыкаясь и падая. И с ними разом и давешний провокатор из Центра, потому как, хоть он и агент, но все-таки засекреченный. А тем, кто засекречен спасительные «панцири» не дают, а значит, не смотря на подготовку, знание и прочее, являются они всего лишь людьми, то есть биологическими целями определенного вида. И потому, когда по ним ударила сконцентрированная, специальных октав и диапазона, звуковая мощь, они тут же превратились в ничего не понимающих, перепуганных животных о двух ногах.

Потом, когда через сухопутную милю беготни, все в царапинах и ссадинах, они наконец-то упали в изнеможении, «провокатор из Центра», скорее всего, побежал дальше, ибо у него была подготовка, а у «ребятишек», коих он использовал в качестве подопытных кроликов, характеры еще те, палец в рот особо класть не следует. К тому же не исключалось, что вслед им, по сигналу от роботизированного «защитника периметра», может явиться вполне человеческий патруль. Не стоило служащему Центра Возрождения попадаться в лапы полиции.

Однако сейчас был другой случай, и все обязалось пойти – или по крайней мере предсказывалось – не так. Во-первых, аппаратура экзоскелетов уже выявляла расположенные там и тут на деревьях инфракрасные датчики, а так же сигнализаторы движущихся объектов. Кроме того, за этой не слишком прибранной следовой полосой переносной радиолокатор нащупал тонюсенькие проволочки паутины, явно подсоединенные к сигнализации, а может быть, даже к взрывателям мин. Хотя самих мин покуда выявлено не было. Весьма возможно, их тут и действительно нет – не вписываются они в схему первой – гуманной линии обороны. Вот там, далее, потребуется держать накладные уши акустического лоатора торчком.

Все названные объекты фиксировались в памяти брюшного компа; некоторые в качестве целей для лазерной винтовки. В отряде давно не значился сардинец Соранцо, однако дело его живет и здравствует. На позицию, удобную для стрельбы, вышел бывший алтайский казак Кахрамон Нарбугаев по кличке Рамо. «Костюмчик» у него в режиме слияния с местностью, а основным отвлекающим фактором для роботизированной акустической системы поражения покуда является «панцири» остановившиеся на очищенной от деревьев полосе. Человека, облаченного в такую броню, конечно, бесцельно атаковать звуковым шквалом, но все едино, как-то не желается испытывать на себе эту «гуманную» штукину; еще слишком хорошо помнится африканский опыт. В животное превращаться абсолютно не хочется, так что пусть лучше выходец из Туркменского ханства казак Рамо все-таки подстрелит вражеский излучатель – так вернее будет. К тому же эта техника связана с охраной «Прыща», вертится на триста шестьдесят градусов, зачем же нужно слежение с тыла?

Пусть уж сюда прибудет патруль. Пока он сюда, мы отсюда. Учитывая скорость людей в «скелетах», мы успеем отойти от места «входа» в периметр и подойти к следующему рубежу не совсем по прямой. Так что ступаем быстро, но аккуратно, оставляя позади неразорванные паутины сигнализации.

Возможно, патруль, или техники прибывшие к переставшей функционировать «гуманной» антенне, обнаружат тяжелые следы «панцирей». Ну что ж, скорее всего, будет уже несколько поздно.

22. Паровозная топка времени. Сироты

– И кто-то может удивиться, скривить губы кривоватой улыбочкой, недоверчиво хмыкнуть. А если даже поставить перед фактами, так покрутит у виска или подивится наивности, – пояснял когда-то Епифаныч. – Ибо откуда понять произошедшее какому-нибудь обалдую, с «дытынства» имеющего в воспитателях только наполненный хламом TV? Слово «патриотизм», может, когда и пролетало мимо его уха, да следов не оставило, а если и отложилось что-то, так опять же, в трактовке TV-ящика. А что там по сему поводу могут наглаголить? У них что «патриотизм», что «фашизм», а может, и «онанизм» – все синонимы. Там если кто о сем предмете и говорит, то обычно или сам задурен до наивности, лет сто назад, просто-напросто, несовместимой с существованием в обществе, или настолько пропитан двоемыслием, то есть сведением в одном черепе совершенно противоположных векторов мышления, что просто вплотную стыкуется с шизофренией. Но ничего, оболтусы у экранов все едино ни черта не понимают, у них сведения одного и того же порядка укладываются в головушке в разные ящики. Свести даже две разных фразы к общему выводу они ни в коем случае не способны, разве что сам TV-ящик такую эквилибристику проведет. Но кому там такое делать, а главное – для чего? И даже если сделают, так эта фраза вывода, опять же, на отдельную полочку складывается и там замрет в пыли на веки вечные.

– Так что этим хрупким мимозам умственного, да и прочего труда, никак не понять, почему же вдруг, мы – «дикие гуси», или как там еще зовутся наемники – вдруг по шевелению волшебной палочки тут же бросили свое долларовое дело и встали в ряды совершенно неоплачиваемого героизма? Зачем нам сие надо? Тем более что ранее нам мало того что платили, так еще и платили за дела, в общем, конечно, опасные, но все-таки куда менее, чем прямое столкновение с самой вооруженной нацией мира. Все ж таки справляться с неграмотными в стратегии и тактике неграми было как-то попроще, согласитесь. И самое главное, если бы не имелось альтернативы. Кто нам, собственно, мешал остаться на службе дальше? Ну, пусть не в Южной Африке, пусть бы пришлось перебраться чуть севернее. В Африке столько режимов постоянно нуждающихся в таких специалистах, как мы. Или в конце концов, один из лучших вариантов, вообще предложить услуги планетарному гегемону, жаждущему размять мускулы. Правильно? Для всяких «мокрых» дел им ой как требуются неприятельские, но при том достаточно обученные ребятушки, которые вроде не имеют никакого отношения непосредственно к Пентагону. А дел тех, даже после, блистательной, загодя запланированной победы над НЮАС, ой как многочисленно!

– Так вот, так называемый средний обыватель... Кстати, как я кумекаю, этот «средний» не просто представитель всегдашней серой массы, он сильно отличается от обывателя прошлого века. Видишь ли, там патриотизм или хотя бы некая обязаловка по отношению к родине воспринимались как должное, пусть даже и не всегда приятственное занятие. Теперь в нашем закатном времени, обильно засеянном минами чистогана, всякие обязанности, отягощающие приученную только лишь потреблять личность, воспринимаются не просто как дискомфорт, а прямо-таки как набившее оскомину «нарушение прав человека». Это который разумный – homo sapiens, мать твою!

– И вот когда этому обывателю говорят, что наемники империализма по первому зову некой, вроде бы давным-давно не имеющей к ним отношения, родины, кроме всего прочего раздерганной на сотню маленьких кусочков, вдруг посылают подальше выплачивающих им неплохое денежное содержание хозяев и становятся под растрепанные, обгаженное соплями и мочой всяческих писак, знамена, он естественно не понимает что к чему. И даже возмущается про себя: «Как так, черт возьми? Кто посмел такое допустить?» Ибо где-то там, в подсознании, некая тень, переданной генетикой еще от общности обезьянних предков,

совести, все-таки нашептывает этому человекообразному, что, мол, понимаешь, Ленчик, или там, Муся, есть все же на белом свете что-то более важное, чем сыто-мытое брюхо. И естественно, сознание тут же ставит спасительный блок-волнорез для рассечения атаки, ведь его задача – любым путем сохранять статус-кво, беречь от расстройства спеленутый «правами человека» организм-потребитель. А плита-волнорез работает так: "Это, – растолковывает чересчур логичное сознание, – просто-напросто дураки, несусветные. Их родина-мама пальчиком поманила, они и кинулись. А кроме того, она им наверняка пряник пообещала, ну а они, тупые козявки, развесили уши. И ни как до них не дойдет самое главное.

То главное, что нет тут никакого пряника и второго золотого дна. Все дело вот в том самом патриотизме. Только родился он не привычным ранее путем. Ни при чем тут всяческое «ты – мне, я – тебе». То есть вначале родина вырастила и воспитала героя, а потом, когда пришел срок, она его снарядила и благословила на подвиг. Тут другой случай. Я вот пока на больничных растяжках висел, такой образ выстроил.

Родина наша, в свое время оказалась мамой непутевой. Мало того что не приспособленной к жизни, так еще и не любящей своих детей. И после рождения, бродили мы по миру брошенные, занимаясь и кормясь кто чем может. Даже в другое полушарие забрались, в жажде подвигов хоть во имя чего-нибудь. Но, кто в тайне от себя, а кто вполне сознательно, ждали мы, как детдомовские дети, что вот когда-нибудь найдутся какие-то хорошие люди, которые возьмут нас под крылышко, пригреют и подарят нам все те прелести детства, которых мы никогда не ведали, но о которых грезили. Однако попадались нам покуда все больше злые, нехорошие отчимы, кои нас ремнем лупцевали и невольно закаляли для будущих напастей.

И тут вдруг, внезапно, появилась не просто добрая чужая женщина, которую мы бы стали звать мамой, а та, настоящая, очень за это время поумневшая, и преобразившаяся. И понятно, что когда она нас позвала, все наши подсознательные желания слились в образе этой возродившейся Отчизны. И может, конечно, она вроде пока и не сыплет конфетти со жвачками, а больше тычет наши носы в дерьмо, но уж сильно хочется нам, дать шанс этой возродившейся мечте реализоваться в действительность. Ибо мы так хотели самого факта наличия мамы, что все прочее покуда остается за кадром. Да, мама наша в говнице по уши, однако уже желания оттуда выплыть, для нас достаточно. Мы готовы рвать жилы, только бы ей помочь. А что и как потом, то уж само собой образуется.

Однако тепереча на нашей Родине-маме ой-ой какая ответственность. Не дай божок, она опять нас кинет. Почему-то я очень сильно уверен, что мы уже давным-давно закалились и совсем мы не те слюнтяи, что пропускали за хот-доги свою страну, недалеко чем сорок годов тому".

23. Средний уровень. Воздух

Однако этот мир многолик. И техносфера в очень большой мере является пародией на матушку природу. Покуда раскинувший на тридцать метров руки-крылья «Архангел» пытался разглядеть что-нибудь неположенное внизу, он сам стал кандидатом на добычу. И кстати, насчет технологического аспекта еще требовалось дожидаться результата, но в теоретическом ракурсе он проигрывал однозначно. Ибо растопырявая в мир разведывательные антенны и фокусируя в раскинутые внизу горные леса свою длиннофокусную камеру, он искал «сам не знаю что», в том плане что достойные для нападения цели еще нужно было идентифицировать, взвесить все «за» и «против», доложить управляющему суперкомпьютеру, а уж тот потом решал, требуется ли нанести удар. Да и то, «Архангелу» вменялось в обязанность разве что оценить эффективность удара, а уж наносили его совсем другие средства. А вот для тех, кто сейчас оказался против него, все эти стадии приема решения были уже позади. Они знали свою цель, знали ее текущее местоположение, а главное, у них имелось орудие осуществления акции.

Итак, бедный, но высоко вознесшийся над миром «Архангел» еще даже не высмотрел внизу «Пульсар», а уже сам попал на мушку. А с точки зрения ПВО поразить огромный летающий «лапот», парящий над Скалистыми горами, не представляло сложности. Имелись некоторые ограничения, связанные с высотой парения; все же на двенадцать километров достанет не каждая ракета, однако в остальном все было о'кей. Хотя «Архангел» имел некоторое – где-то десятипроцентное – отношение к компании «Локхид», тем не менее с технологией «стэлс» он соединялся только этой косвенной связью завода-изготовителя и более ничем. Действительно, как можно было спрятать от радаров его многочисленные винты? То, что их лопасти были отлиты из специального пластика, конечно, играло свою положительную роль в маскировке, но тем не менее они все равно отражали лучи локаторов, и за счет количества нивелировали преимущество материала. Естественно, малая скорость создавала некоторые сложности для радарного оборудования в плане селекции отражения самолета от отражения облаков, но для техники XXI века то была сущая мелочь. Понятно, такие соображения лишь подкрепляли мысль о том, что данный вид военной техники получил право на существование только после очередной всемирной победы «белого человека» над варварским Востоком. Полное господство в воздухе – вот что предполагалось для спокойной эксплуатации «Архангела». А потому, не отвлекаясь на достижение этого господства, он должен был уверенно наблюдать за копошением муравьев внизу, загодя выявляя всяческих враждебно настроенных и, естественно, не умеющих летать насекомых.

Кстати, именно по случаю полного господства в атмосфере американцев применить мощный локатор не получалось. Уже в первые секунды работы, он бы выдал свое местоположение, и им бы тут же заинтересовался не только сам «Архангел», а и парящие над штатом Колорадо «Супремак», относящийся к новому поколению «Аваксов». Не исключено, на локатор среагировали бы даже другие «Супремаки», летающие над двумя соседними штатами – Ютой и Канзасом. Ведь в настоящее время внутренние штаты Америки обратились в пограничные, ну а за границей требовалось следить.

Из-за этих теоретических соображений против «Архангела» получалось применить только что-нибудь использующее пассивные методы наведения. Естественно, лучшим в этом плане является что-нибудь глазастое. Однако времена героев камикадзе канули в историю, так что требовалось пользоваться нечто роботизированное, в соответствии с веком. И вообще, бить машину машиной достаточно логичное и отработанное решение. Конечно, парящий в голубизне «Архангел» не так-то просто разглядеть, ведь он сделан хитрым образом и не оставляет позади инверсионных след. Но тем не менее он и не корабль-невидимка.

Конечно, глядя отрешенно со стороны можно предложить делать планер не из простого, а из какого-нибудь прозрачного пластика. Однако это неверное, дилетантское предложение. Нельзя забывать, что крылья служат одновременно и источником энергии – проницаемые для фотонов солнечные батареи не смогут выполнять свою функцию. Так что для внимательного глаза «Архангел» замечен неминуемо.

Понятное дело, глаз в данном случае электронный, но персептрон изобретен давно, а к периоду 2030 года доведен до великого совершенства. Селекция «Архангела» от какого-нибудь причудливого облака или от случайно пролетающего над Скалистыми горами транспортного «Боинга», а уж тем паче от парящего орла, происходит на самом раннем этапе, еще до попадания сигнала в основной процессор наведения. Так что сложности в обнаружении и наводке вообще-то нет. Осталось только придумать способ доставки боеприпаса к цели. Если, конечно, требуется именно боеприпас. Но, наверное, требуется – чем еще можно гарантированно смахнуть с неба штуковину, имеющую целую батарею пропеллеров?

24. Мозговой протез

И кстати, о супермозге. Как он вообще... Да понятно, что СОИ первичного проекта оказалось блефом. Не о предназначении сейчас речь, о функциональном устройстве. А вот как раз тут есть некоторые «но». Нет, наличие-отсутствие допусков здесь абсолютно ни при чем. Дело гораздо хуже. Некоторое время при «Прыще» даже работала небольшая, тщательно проверенная ФБР, группа ученых исследователей, целью этих самых исследований было понять, как все-таки работает супер-стратег. Ну естественно, проглядывается – да что там «проглядывается» – выпирает наружу прямо-таки абсурд. Однако в том-то и дело, что ни какой это не абсурд, а, оказывается, нормальная научная практика. Или кто-то подозревает, что наука все и всегда знает наперед? Извините, уже наступили времена, когда некоторые технологии снова начали опережать теоретические раскладки. Естественно, выглядит это несколько неправильно. Однако, по сути, именно так было изначально. И даже не только в истории человеческих технологий, когда вначале что-то изобреталось, вовсю, не один год, а то и век, использовалось, и уже потом, задним числом, какой-то особо умный дядька, с бородой и толстыми очками, объяснял несведущим технологам, что, как, почему у них вообще тут крутится, вращается. Но ведь точно так же всегда было и есть в природе. Очень долго, эоны лет, она что-то изобретала, а уж потом, за между прочим, произвела на свет человека, через коего и пытается все и все себе же родимой объяснить.

Так вот, о суперкомпьютере, собранном в Скалистых горах. Насколько эффективно он... Да нет, вначале даже не так. Думает ли он вообще? То есть старая притча и гвоздь программы кибернетики в пеленках: «Может ли машина мыслить?» Посмеемся в голос. Эверест ломаных копий превосходит это самое прибежище механизма – гору Корпуленк, а уж число докторских и прочих диссертаций заслоняет солнце – в Гималаи ехать не нужно, но воз вообще-то и поныне там. Касательно конкретики супермозга «Прыщ». Здесь тоже все темно, ибо...

Компьютер относится к принципиально новому виду. Цель не в создании разумной машины, цель в появлении устройства, способного выполнять определенную задачу. В данном случае стратегического управления вооруженными силами страны, причем изначально лучше, чем это делает Комитет начальников штабов и прочие учреждения Пентагона, вместе взятые. Нужно ли для этого мыслить? Тут, кстати, без всяких намеков о количестве серого вещества в головах генералов. Берем калькулятор – простейшее устройство, не могущее быть утрамбованным в песчинку, только по случаю того, что кнопки весьма неудобно нажимать с помощью микроскопа. Он как, мыслит? Речь не о том, что «мыслю, следовательно, существую». Калькулятор не мыслит, но вот он в наличие. Работу выполняет на ура. Берем из другой области. Экскаватор. Не слишком похож на штыковую лопату – нет опорной части, удобной для упора ногой, и естественно черенка. Однако землю роет, а по случаю даже асфальт. Так вот, может быть, с помощью свето-электронных схем получится сотворить механизм, способный решать умственные задачи без помощи ума? И к тому же эффективнее?

На первый взгляд идея представляется бредовой. Действительно, с тем же экскаватором все проще. Изначально нужно сотворить лопату в сто раз более работающую. Через удлинение деревянного черенка не получается: поблизости нет подходящих деревьев, а за секвойями далеко. Вот и выходит что-то многосуставное, коленчатое, с тросово-пневматической передачей и на гусеницах. Однако с мозгами не выходит даже так. Любуясь вскопанным огородом, с первого взгляда понятно, по каким принципам действует эта самая лопата. А мозги? Следи за математиком в глазок сутки кряду, снимай клише с небрежно обведенной формулы на полях, трепанируй череп и доставай оттуда расплывающееся тесто с прожилками. Как

связать воедино то и другое? Недаром греки считали, что эта серая каша предназначена для охлаждения организма. Умные все-таки. Может, стоит покопаться под Парфеноном, найти проржавевший холодильник и закачать туда новый фреон?

Короче, не выходит создать машину с мозгами обезьяны, а не то что математика. Но ведь нам надо перепрыгнуть на принципиально новую ступень. Так вот вернемся к нашим баранам, мозг которых тоже покуда не удастся дублировать искусственно. Итак, попробуем делать машину, коя эффективней мозгов, но в то же время совершенно не умна. То есть задачу она решает, правда, неизвестным нам способом, но зато выдает на выходе правильный ответ. Ощущение должно быть такое, будто внутри учебник с конечными ответами. При этом никакого ума, а поскольку устройство состряпано неизвестно как, то на лицо господин Черный Ящик, собственной персоной.

Да, но как сделать «то-незнамо-что»? Но ведь задача упрощена с теоретической стороны. Никакой Генеральный штаб никогда не требует объяснений: «Как, понимаешь, господин фон Браун, эта самая ракета летит? А, формула Циолковского говорите? Ну да, ну да, припоминаем...» Нужен только результат. Зрим фокус – кролик родился из цилиндра – аплодисменты зрителей. Да, но там хоть сам фокусник по-настоящему знает, откуда торчат уши у зайчатины. Ну а здесь, даже сам ученый не может понять... Но ведь ему и не надо понимать? В смысле без этого допускается обойтись. Да, кстати, та, упомянутая группа проверенных, так ничего и не добились. Может, помешали грифы секретности, ибо исследователи, естественно, не имели возможности обмениваться идеями с недопущенными коллегами? А может, среди тех, кому ФБР все же выдало допуск, не нашлось достойных задачи гениев? Все допустимо.

Так вот, для дела нужен не совсем ученый. Может, даже и совсем не ученый – просто технолог с идеями. Тот, который не свернет и не отчаится после первых неудач. Ему просто ставится задача: «В приемлемый срок создать машину, которая может выдавать ответы на стратегические задачи». Нет, даже еще проще: «Не требуется ни только выложенных на стол решений, но и никаких сформулированных ответов...», ибо сие уводит в семантику, а зачем нам загружать Черный Ящик ненужными для дела вещами? Вдруг как раз этого – переклада на язык человеческого понимания – Черный Ящик и не сможет сотворить, ибо мозгами изначально не обладает, но зато с самой задачей справится? Вот, например, как наша пра-прабабушка амеба. Ведь дура-дурой, но если поблизости съедобная вкуснятинка – не упустит, да и размножаться умеет – вон сколько нас всех наплодила за миллиардолетие. Следовательно: «Как результат, требуется практическое управление войсками всей страны, а может, и экономикой в угрожающий период с эффективностью превосходящей эманации Комитета начальников штабов и прочих главенствующих структур». Задача ясна, господин технолог? Вот и приступайте. О выполнении доложить.

25. Средний уровень. Воздух

Вообще-то нечто новое почти всегда получается бить чем-нибудь старым, надежным и опробованным жизнью. Однако это только теоретически. На практике почему-то всегда требуется нечто такого же уровня. Вот и сейчас для удаления с глаз долой, не просто мозолящего сознание, а действительно опасного и почти всевидящего «Архангела» подходил только беспилотник. Хотя, по сути, чего делов-то? Висит в небе огромная, тридцатиметрового размаха штукавина, с почти нулевой маневренностью и совершенно не приспособленная для обороны. Подлтай к ней на любом аппарате, способном подняться на заданную высоту, и расстреливай из самого примитивного пулемета, так чтобы щепки пластиковые сыпанули по всему штату Колорадо. Однако над местностью господствует объединенная североамериканская система ПВО. Пардон! Уже не совсем «объединенная», ибо из-за гражданской войны южные штаты теперь не участвуют в общем деле защиты континента. Даже хуже, теперь они первые кандидаты на нарушение воздушного пространства севера.

В связи с таким препятствием есть два пути. Ах, извиняюсь, три! Ведь можно просто развернуться обратно и плюнуть на всю затею. Или рисковать, так по-крупному. Вдруг у плящегося на Землю-маму «Архангела» что-то само собой откажет? Либо какое-нибудь облачко закроет нужный для дела ракурс? А может даже окажется, что способная к мимикрии фуллеритовая оболочка обладает еще лучшими маскировочными свойствами, чем первоначально задумано? Ну, хотя бы против конкретной спектроразрешающей способности оптики «Архангела»? Однако в будущей операции используются атомные мины. В таких делах как-то не принято полагаться на авось. И значит, все же два пути. Первый – обманывать технологию технологией же. Вначале изобретаем, а потом используем нечто такое, отчего вся система NORAD – хотя бы на локальном участке – превращается в анахронизм. Достаточно сложный путь, между прочим. Обычно такие заходы экономят для большого дела, эдакой добивающей кувалды обернутой бантиками и укрытой кружевной подушечкой. И конечно, последний вариант – это атака в лоб. То есть в данном случае, именно тот описанный ранее расстрел из пушек-пулеметов, но уж тут, безусловно, с участием камикадзе. NORAD штука серьезная, не простит.

Для надежности берется сочетание обоих методов.

26. Киборг

Все-таки дело дошло до киборгов. Ну или почти до киборгов. Ибо что не говори, но данный киборг выглядел весьма жалостливо. Ножки у него почти не умели двигаться. Ручки тоже можно было бы сделать получше. Пальчики левой, правда, были достаточно сильными – могли при случае легко, непринужденно колоть орехи, но насчет точной работенки они все-таки нуждались в коррекции. Благо, пальцы правой состояли не из электро-активного пластика, а из натуральной протоплазмы, и потому вполне умели совершать тонкие манипуляции. Правда, в эстетическом плане они были даже уродливей левых собратьев, ибо не имели атавистического подарка из прошлого – ногтей. Не все было в норме и с головой... Нет-нет, только с внешней атрибутикой. Отсутствовало одно ухо и – вообще-то наличествовал, абсолютно ничего не видел левый глаз. Он относился к дешевым моделям; даже не к моделям, к муляжам. В общем, этот киборг нуждался в серьезной доработке. И вообще-то Средневековье давным-давно миновало, хотя возможно оно совсем не сдохло, а просто, сиганув через пару пролетов, снова растянуло сеть на лестнице истории. Однако сейчас, в две тысяча тридцатом, перспектива была в тумане, и технология вполне обладала свойствами сделать киборга много лучшего вида. Но, наверное, имелись обстоятельства, по которым этого не случилось?

Представьте, одним из главных было нежелание самого киборга. Конечно, можно было бы особо не спрашивать, а дорабатывать по максимуму и все дела. К сожалению, такой номер не прошел. Не то, что данный киборг был совсем против модернизации и рационализации, однако время он считал более важным критерием.

– Это что же? – спросил он беседующих с ним по данному поводу и совсем ему незнакомых товарищей. – Я буду тут прохлаждаться, наращивать, подращивать, вживаться, а мои друзья биться с империалистической гидрой и лить кровушку в одиночку? Они же и так меня с боя вынесли, руки надрывая. И для чего получается? Чтобы я тут лежебокствовал на северо-американских харчах? Может, мне еще тут «Пурпурное сердце» за ранение подождать? И вообще почитать «Нью-Йорк тайм» на подушечках, куда пенсию героя войны не назначат? Нет, братцы-кролики, такая песня не по мне. Когда еще выдастся возможность послужить Родине-матери, наконец-то из летаргии очнувшейся. Да как я смогу этот пластик подвижный с чистой совестью носить, если все главные события пройдут от меня стороной? Вы что, не секете? На черта мне жить-доживать, когда главное в жизни пройдет по околице?

И естественно, незнакомые товарищи посмотрели в его честный правый глаз и совершенно бесстрастный, не моргающий левый, да и согласились с аргументацией. А что получалось сделать? Разве что придумать, как использовать этого с брачком собранного киборга с максимальной эффективностью.

Звали киборга Дмитрий Львович Казаков.

27. Мозговой протез

Остается открытым вопрос, не есть ли сия, помещенная под горой, машина умнее человека? Вопрос спорный и, кстати, мучающий не только каких-то далеко улетевших в глубины познания теоретиков, но теперь еще президента США и все его близкое, допущенное к правительственным секретам окружение, и даже – кто бы мог подумать? – абсолютно неизвестных им противников. Всех солдат отряда, или по-новому ударно-диверсионного взвода «Пульсар». Хотя большинство ни тех, ни других никогда не задавались сложными теоремами на тему «Может ли машина мыслить?» Однако господин президент, может, и съел собаку на разыгрывании выборных кампаний, однако в вопросах кибернетических мозгов он дилетант дилетантом. Так же и чемпионы стрельбы и бега в «панцирях» хоть и чистосердечно пытаются ломать над данной темой голову, а никоим образом не родят в своем коллективе, что-то хоть чуть не тривиальное. А потому над диалогами данных компаний, по столь вязким для нетренированного разума темам, можно только потешаться. Так что лучше покопаемся в настоящих гипотезах и предпосылках создания компьютеризированных мозгов данного вида. Правда, сразу оговоримся, подходы к теме проведены с очень разнообразных направлений.

Перво-наперво, некоторые умники вообще сомневались, что когда-либо получится создать мозги более умные, чем свои собственные. Очень странное суждение. Из опыта жизни известно, что порой у пап, кои сами по себе дураки дураками, появляются на свет достаточно умные, очень нетривиальные детишки. Это не из той оперы, скажут некоторые. Ибо человека формирует не только генотип – идет сложное и многоплановое общение со средой, а среда, уж извините куда сложнее индивида. Из той же сферы тезис о том, что ученики когда-никогда, но обгоняют своего учителя, причем на поле деятельности его же науки. Здесь тоже среда, пусть и в конкретно общекультурном представительстве.

Так вот что удивительно, даже если принять за окончательную истину данное рассуждение, то и тогда человек может изобрести нечто более умное, чем он сам. Каким же это образом? А вот эдаким! Описываем метод.

Он восходит началом в смутные времена доисторического тумана, откуда до нас дошли некоторые мифы. Почти все они исходят из того, что ранее на Земле-маме жили не тужили настоящие титаны, а теперь их сменило худосочное, неряшливое племя, неспособное ни на что путное. Так вот, если принять во внимание таковую «теорию катастрофической деградации», то тогда, если мы сейчас умудримся создать машину хотя бы не умнейшую, но приближенную к современной сообразительности человека, то через некоторое время, когда последний из нас отправится в компанию тех же мифических героев, данная машина автоматическим образом окажется умнее своих новых хозяев.

Весьма ловкая теория, скажут некоторые, но ведь она базируется на бреде. С чего бы это вдруг homo sapiens-у глупеть? Однако поглядите внимательным образом вокруг! Чего наблюдаем? Нет, речуга не о том, что одни люди гениальны, а львиная доля так себе, даже в упрощенном виде не допрут, о чем тот, названный мудрым, балакает? Речь о другом. Оцениваете, как западное общество потребления захлестывает своим... Нет, все-таки не образом жизни. Не-а! Своей культурой! Захлестывает ею все новые и новые рубежи. По крайней мере, так было в начале XXI века. Но ведь именно тогда и создавалась концепция машинного суперразума.

Так вот, парадоксов западной культуры выше крыши, но нас интересует связанный с воспитанием умных-разумных. Оказалось, что внутри себя она не способна возвращать таланты. По крайней мере в требуем для себя же количестве. Парадокс был решен бандитско-мафиозной методой, то есть с помощью «кражи мозгов». То бишь, насаждения везде и

всюду культа свободы конкретной личности, и на сей основе, заманивания всех талантливых и амбициозных к себе родимым. То, что таким макаром, снимаются только сливки, ежу понятно. Ибо сим методом средства экономятся просто-напросто чудовищные, ибо совершенно не требуется возводить у себя «образовательную пирамиду». Для тех, кто подзабыл, что сие за фрукта, поясню.

Для выращивания одного суперматематика потребно выучить счету сто миллионов, высшей математике – десять с шестью нулями, а слепить настоящие математические мозги у ста тысяч. Вот тогда на вершине засияет одно солнышко. Ну а теперь хитрый дядя сует мальчику-солнцу «дипломат» с миллионом «зелени» и шепчет на ушко о свободе воли. Если тот «дипломатик» опрокинуть над всею пирамидой, то дождик будет столь вял, что даже сто тысяч верхнего эшелона сделают кислое лицо и пошлют доброго дядю куда подальше. Однако дожди для всей «образовательной пирамиды» никто творить не собирается. Снимаются только сливки. Тоже самое делается со всеми остальными пирамидами точных наук. Естественно, в связи с таким прелестным изобретением, строить у себя данные пирамиды совершенно не требуется. Можно все сэкономленное тратить на кушающие бензин красивые каталки, а поглупевшую молодежь дурить миганием блестящего TV-ящика.

Результат? Слаборазвитые дураки вокруг «золото-миллиардной» прелести очень скоро понимают, что их собственные «образовательные» строения им самим никоим образом не служат. Так на кой ляд? Давайте тоже тратиться подчистую на каталки, а нужных, для «функционализации» кое-какой экономики, мозговитых найдем у тех прочих, кои все еще ничего не поняли, и с прежним усердием растят у себя «национальные кадры».

До всех все дошло? Через некоторое время Земля оказывается шарообразной и небольшой – пирамиды названного вида на ней полностью исчезают. И вот тогда... Все верно! Построенная в предыдущую пору чудо-машина оказывается умнее всех живых. А значит? А значит, создание такой штуковины загода является необходимым условием существования мира «Золотого Миллиарда» и впредь. Возможно, на века вечные. Аминь!

Под эту дудку очень хорошо ищутся спонсоры. Нет, данным дядям, в большом смысле, на этот катящийся в тартарары мир плевать с высокой – либо какой там у них имеется – колокольни. Однако себя родимых они любят без меры. А потому примазаться к постройке машины, которая будет такой же умной, как ты сам, а значит гением-титаном для поглупевших внучиков, просто на диво интересно. Ведь они будут говорить, что мой дедуля был совершенно такой же умный, как вот эта поящая и кормящая нас ныне железяка. Но вообще-то, под секретные государственные проекты спонсоры не ищутся. Зато имеются конгрессмены, кои всегда готовы участвовать в распределении ручейков из госбюджета. А это, так сказать, почти спонсорство, только за чужой счет. Но последнее дело – мелкий нюансик.

Примерно таким же образом подсекаются и президенты с министрами. Те, кто о чем-то думает, – под заботу о дальнейшем выживании культуры западного вида. Те, кто только о себе, – славой: «Ибо я есть создатель – вдохновитель мудрейшей машины, коя одновременно с тем, не умнее меня». Великая вещь парадокс!

Тем более что реально никто не планировал компьютер имитирующий homo sapiens, даже самого-пресамого мудрейшего вида. Здесь собирались действовать по несколько иным принципам. Однако для всяких конгрессо-президентских тусовок хватало и вышеприведенных соображений в несколько разжеванном виде.

28. Киборг

Дмитрий Казаков совершенно не хотел быть киборгом. Но человек не властен над обстоятельствами жизни. А обстоятельства эти развешивают паутины там и тут, маскируют кружевами, а потом – ты-дысь! – молотом по башке, с ходу и без особо видимого замаха. Вот так, как тогда в Африке. Вертолет там был или сам дьявол под вентилятором, но результат однозначен. Точнее, однозначен для тех, из кого не собрать даже киборгов. Из троих вроде бы получилось, так что для них все же неоднозначен. Не получилось им остаться запечеными котлетами в коконах «панцирей», дабы навсегда зависнуть в протоплазменном круговороте царственной потехи дикой природы южно-африканских лесов.

А потом новые, ветвящиеся откуда-то обстоятельства состряпали еще один лабиринт. Оказалось, что в условиях непрерывных американских бомбардировок весьма сложно переправить тяжелораненого через северные границы. Видите ли, находящиеся там страны обиделись на ракетный обстрел и теперь когда-никогда, но присылают в Новый Южно-Африканский Союз какие-то гуманитарные припасы, а скорее боеприпасы, и потому тропы-дороги, идущие в сторону экватора, особо жестко контролируются всякими «Супремаками», «Превентивонами», а так же насылаемыми ими «Суперрепторами». Вот именно так пропал неизвестно куда, то есть пополнил список пропавших без вести, один из трех раненых – Каминский Степан. Не стоило рисковать двумя оставшимися – майором Драченко и старшим лейтенантом Казаковым.

И тогда какой-то умный, незнакомый Казакову лично товарищ из Центра Возрождения, сообразил хитрейшую вещь. После случая с авианосной «боевой линейкой», а так же дважды подвергнутого атомной атаке «Тома Клэнси», да еще единожды попавшего под такой же расклад десантного корабля марки «Эссекс», обгоревшие калеки-инвалиды переправлялись в родные Штаты сплошным потоком, кто по морю, кто по воздуху, на радость пластическим хирургам, кои теперь обеспечены оплаченными государством заказами на целый год. Кто в этом потоке различит из общей массы двух искалеченных белых? Пожалуй, даже папы, мамы, отправившие на победоносную войну двуглазых, двуруких и двуногих сынков, не сразу разберутся по каким приметам их теперь различать. Даже если где-то как-то не совпадет группа крови или еще что-то более тонкое из анализов, так и тогда можно кивать только на путаницу при пересылке, а может даже в момент спасения. Кто на пылающем корабле интересуется фамилией потерявшего сознание, когда надо тушить его одежду? Так что идея была верная. Сложность наличествовала только в технике исполнения. То есть в компьютерной подтасовке данных и доставке «подкидышей» куда следует. Ну, в сетевой подтасовкой Новый Центр на своем поле. Посему после уничтожения основной базы данных медицинских карт призывников восьми северо-восточных штатов – все становится до смешного управляемым. Конечно, наличествуют опасения, что когда русский человек под скальпелем или лазером хирурга, да еще без сознания, он может ругнуться матом на своем родном языке. Но вообще-то в былом веке советской идейной экспансии, специфический сленг проник далеко, ну а после эмиграционного всплеска девяностых он вполне способен закрепиться. В крайнем случае, чем этот риск лучше переноски носилок под бомбами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.